

Библейско-богословская коллекция
Серия «История древней Церкви»

Спасский А.А.

**ОБРАЩЕНИЕ
ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО
В ХРИСТИАНСТВО**

Актовая речь

Богословский вестник, 1904,
III, № 12, с. 627-664; 1905, № 1, с. 60-96

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ОБРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО ВЪ ХРИСТІАНСТВО ¹⁾.

Едвали во всей церковной исторіи ²⁾ можно указать другую личность, которая вызывала бы столь разнообразный и многосторонній интересъ къ себѣ и въ тоже время подвергалась бы столь несогласному и противорѣчивому обсужденію и оцѣнкѣ, какъ личность перваго христіанскаго императора, Константина Великаго. Литература о немъ необычайно обширна. Еще въ началѣ XVIII вѣка (1720 г.) Фогтъ, авторъ одной брошюры о Константинѣ, насчитывалъ болѣе 150 сочиненій древнихъ и новыхъ писателей, занимавшихся этимъ императоромъ, а съ тѣхъ поръ число сочиненій о немъ значительно возрасло ³⁾. Но не смотря на это обиліе литературы, мы напрасно стали бы искать въ ней какого-либо общепризнаннаго взгляда на Константина, какихъ-либо разъ навсегда установленныхъ и неизмѣнныхъ результатовъ. Напротивъ, нигдѣ разнообразіе ученыхъ мнѣній не доходитъ до такой поразительной противоположности и разнорѣчивости, не развивается до такой пестроты красокъ и звуковъ, какъ въ этой области. Во всемъ этомъ необозримомъ морѣ литературы трудно отыскать хотя бы два изслѣдованія, одинаково понимающія дѣло. Начиная съ Евсевія Кесарійскаго, перваго біографа Константина, не постѣснившагося въ своей напыщенной лести сравнить его съ самимъ Спасителемъ ⁴⁾ и кон-

---

1) Рѣчь, произнесенная въ день годовичнаго акта Московской Духовной Академіи 1904 г. 1-го Октября.

2) Исключая, конечно, новозавѣтнум.

3) Smith and Wace. A dictionary of christian Biography, London, 1900, ч. 1, 625.

4) Eusebius Werke, herausgeg. im Auftrag d. Königl. preuss. Akademie d.

чая Нибуромъ ¹⁾ и Буркгардтомъ ²⁾, которые въ первомъ христіанскомъ государѣ ничего не видятъ, кромѣ властолюбца-деспота, со спокойной совѣстью, если только такая была у него, приносившаго въ жертву своимъ личнымъ интересамъ божескіе и человѣческіе законы, сужденія ученыхъ проходятъ всѣ градаціи, мыслимыя между этими двумя крайностями, такъ что повидимому здѣсь исключается всякая возможность сказать что-нибудь оригинальное, взглянуть на предметъ съ новой точки зрѣнія. Главнымъ фокусомъ, около котораго центрируется весь этотъ калейдоскопъ мнѣній, является вопросъ объ обращеніи Константина въ христіанство: что побудило его къ этому поступку? по какимъ мотивамъ онъ рѣшился оставить свои прежнія вѣрованія и принять новую религію? — такой или иной отвѣтъ на этотъ вопросъ, то или иное объясненіе его уже заранѣе предрѣшаетъ какъ общій взглядъ на личность Константина, такъ и всю оцѣнку его дѣятельности на пользу христіанства. — Было бы неосновательно думать, что эта противоположность въ воззрѣніяхъ на Константина обусловливается только произволомъ историковъ; конечно, въ обсужденіи столь великаго дѣла, какъ религіозная реформа, осуществленная Константиномъ въ римской имперіи, личныя убѣжденія изслѣдователя имѣютъ важное значеніе и всегда такъ или иначе, сознательно или безсознательно, сказываются подъ перомъ его, но главная причина лежитъ не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что современники и сотрудники Константина и ближайшія къ нему поколѣнія оставили намъ свѣдѣнія столь противорѣчивыя, такъ мало согласующіяся между собой, что даже такой знатокъ исторіи, какъ Гиббонъ ³⁾, отказывается отъ возможности примирить ихъ. И дѣйствительно, напр. образъ

Wissensch. von A. Heikel. I B. *Eis tōn živōn toū makarіōn Konstantīnou zōstlēōs* (въ дальнѣйшемъ просто V. C.—Vita Constantini), IV, 72; p. 147.— Сочиненія Евсевія Памфила, переведенныя съ греческаго при СпБургской дух. Академіи, т. 2-й. СПб., 1849, стр. 285.

¹⁾ Отзывъ у Madden'a, Christian emblems of the coins of Constantin I. the Great, his family and his successors. London, 1877—78 стр. 33.— Не считаетъ нужнымъ воспроизводить его.

²⁾ Burckhardt. Die Zeit Konstantins des Grossen. Dritte Auflage. Leipzig. 1898. См. ниже.

³⁾ Гиббонъ, Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Москва. 1883 г. II, 256, 257.

Константина, нарисованный христіанскимъ епископомъ Евсеіемъ, настолько не похожъ на то, что сообщаетъ о немъ язычникъ Зосимъ, что здѣсь трудно указать хотя бы на одну какую-либо точку соприкосновенія. Это разногласіе источниковъ касательно Константина, эта взаимная несогласимость заключающихся въ нихъ данныхъ предоставляютъ каждому новому изслѣдователю просторное поле для всевозможныхъ комбинацій и даютъ ему право, не сходя съ научной почвы, построить такой взглядъ на личность и дѣятельность перваго христіанскаго императора, какой ему самому представляется наиболѣе вѣроятнымъ и соотвѣтствующимъ источникамъ.

Предлагая вниманію высокочтимаго собранія свой опытъ рѣшенія этого запутаннаго вопроса, я конечно далекъ отъ мысли сказать послѣднее слово въ этой чрезвычайно темной области; мое намѣреніе гораздо скромнѣе: по примѣру многихъ изъ своихъ предшественниковъ, я хочу еще разъ, быть можетъ, въ 201 разъ, попытаться извѣстные намъ изъ источниковъ факты комбинировать въ новомъ порядкѣ, въ нѣкоторой надеждѣ достигнуть болѣе счастливыхъ результатовъ.

I.

Было бы всего легче и проще объяснить переходъ Константина въ христіанство, какъ результатъ его политическихъ расчетовъ. Такое объясненіе, дѣйствительно, и предлагаютъ два извѣстныхъ нѣмецкихъ ученыхъ: упомянутый нами Буркгардтъ, выступившій со своей теоріей еще въ 1853 г. ¹⁾, и А. Гарнакъ въ своемъ недавно вышедшемъ изслѣдованіи: „Проповѣдь и распространеніе христіанства въ первые три вѣка“ ²⁾. „Часто пытаются,—говоритъ Буркгардтъ ³⁾, — проникнуть въ религіозное сознаніе Константина и начертать образъ предполагаемыхъ измѣненій его религіозныхъ воззрѣній. Это—совершенно напрасный трудъ. Въ примѣненіи къ

¹⁾ Въ этомъ году вышло первое изданіе его книги о Константинѣ; дальнѣйшія цитаты относятся къ 3-му изданію.

²⁾ А. Harnack. Die Mission und Ausbreitung der Christentums in der ersten drei Jahrhunderten. Leipzig, 1902.

³⁾ См. Burckhardt, cit. op., стр. 350. 373. 327 и др. Ср. также Duruy, Histoire des Romains, t. VII, Paris, 1885, который только пересаживаетъ взглядъ Буркгарта на французскую почву. Вообще до послѣдняго времени тотъ взглядъ былъ почти общепринятымъ въ западной литературѣ.

геніальному мужу, которому честолюбіе и жажда власти не оставляють спокойнаго часа, не можетъ быть и рѣчи о сознательной религіозности или безрелигіозности; такой чело-вѣкъ по существу безрелигіозенъ, даже если онъ самъ во-ображаетъ, что дѣйствуетъ среди церковнаго общества. Міро-объемлющіе планы, властныя мечты влекутъ его безъ оглядки въ кровавыя рѣки побитыхъ армій..., и если на одно мгнове-ніе онъ овладѣваетъ своимъ истиннымъ религіознымъ со-знаніемъ, то эта религія есть фатализмъ".—Ничто иное, какъ желаніе воспользоваться христіанами въ своихъ политиче-скихъ цѣляхъ, и толкнуло Константина въ сторону христіанъ. Уже непосредственное знакомство съ христіанами убѣдило его, что христіане добрые подданные, что ихъ много, что дальнѣйшіе преслѣдованія ихъ для здоровой политики не имѣло смысла. Опытъ привлечь христіанъ на свою сторону, сдѣланный имъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, сопро-вождавшихъ войну съ Максенціемъ, оправдалъ его расчеты, и чѣмъ тѣснѣе онъ сближался съ христіанствомъ, тѣмъ яс-нѣе становилось для него, что церковь съ ея постоянно уве-личивающимся числомъ послѣдователей, съ ея строго выра-ботанной организаціей іерархіи, съ ея своеобразнымъ собор-нымъ управленіемъ представляетъ собою мощную силу, спо-собную дать въ себѣ самую прочную опору для государства. Милости, оказанія имъ христіанской церкви, создали въ преданіяхъ ея убѣжденіе въ искренней принадлежности Константина къ христіанству, но на самомъ дѣлѣ Констан-тинъ „почти ни разу за всю свою жизнь не заявилъ себя прямо христіаниномъ и до конца жизни сохранилъ свое лич-ное убѣжденіе ни отъ чего независимымъ“ ¹⁾. Изъ другихъ основаній выходитъ Гарнакъ. Подводя итоги своей обшир-ной и необыкновенно богатой по собранному въ ней мате-ріалу работъ по исторіи распространенія христіанства въ римской имперіи, этотъ ученый утверждаетъ, что уже къ на-чалу IV вѣка христіанство являлось преобладающимъ или готовымъ стать преобладающимъ элементомъ почти во всѣхъ главнѣйшихъ провинціяхъ римскаго царства. „Побѣда хри-стіанства,—говоритъ Гарнакъ,—во всей Малой Азіи была рѣ-шена еще до времени Константина, въ другихъ областяхъ

¹⁾ См. Burckhardt, cit. op., ss. 350· 373, 327 и др.

она уже подготовлялась. Не было нужды ни въ какомъ особенномъ озареніи, ни въ какомъ небесномъ призывѣ къ войнѣ, чтобы осуществить на дѣлѣ то, что уже было готово. Надобенъ былъ только проницательный и дѣятельный политикъ, который способенъ былъ принять внутреннее участіе въ религиозномъ состояніи его времени. Таковъ былъ Константинъ. Что онъ хорошо понялъ это и умѣло воспользовался — въ этомъ его геніальность¹⁾. Константинъ многіе годы провель при дворѣ Діоклитіана. Онъ ни въ какомъ случаѣ не былъ юношей въ нашемъ смыслѣ, когда жилъ и наблюдалъ — тамъ, въ городѣ и провинціяхъ, гдѣ ему повсюду встрѣчались церкви съ ихъ епископатоми и властью надъ душами. Его молоазійскія впечатлѣнія сопровождали его въ Галлію и преобразовались въ политическое рѣшеніе, повлекшее за собой важнѣйшія послѣдствія¹⁾.

Безспорно, что въ дѣлѣ обращенія Константина въ христіанство политическіе мотивы имѣли бы свое мѣсто и съ ними должна была бы считаться наука, если бы можно было согласиться съ приведеннымъ сейчасъ заключеніемъ Гарнака, что въ эпоху Константина христіане составляли собою преобладающее большинство, хотя бы въ наиболѣе важныхъ провинціяхъ римской имперіи или, по крайней мѣрѣ, пользовались стоящимъ вниманія политическимъ вліяніемъ въ стрѣ государства. Но какъ ни много собрано этимъ ученіемъ данныхъ въ пользу своего тезиса, какъ ни разнообразны приведенныя имъ цифры и свидѣтельства, его общій результатъ остается сомнительнымъ и нуждается въ значительномъ пониженіи. По понятнымъ причинамъ мы не можемъ входить здѣсь въ подробный разборъ всѣхъ его доводовъ и ограничимся лишь нѣкоторыми сторонами, касающимися этого вопроса. Прежде всего мы отмѣтимъ три методическія ошибки, какими необходимо сопровождаются всякія статистическія изслѣдованія подобнаго рода. Во-первыхъ, во всемъ сочиненіи Гарнака рѣчь идетъ лишь объ *однихъ христіанахъ*, всѣ документы древности привлекаются къ дѣлу только для того, чтобы опредѣлить численность христіанъ, о язычникахъ же не говорится ни слова, а эта односторонность неизбѣжно вызываетъ у читателя ложное

¹⁾ A Harnack, cit. op., ss. 544. 545.

представленіе, что какъ будто язычниковъ въ эту эпоху совсѣмъ не было и что все населеніе состояло изъ христіанъ. Во-вторыхъ, подъ вліяніемъ мысли о близкой кончинѣ міра, господствовавшей надъ умами первыхъ вѣрующихъ, въ христіанскомъ обществѣ очень рано окрѣпло убѣжденіе, что Евангеліе уже распространилось по всѣмъ концамъ земли, что всѣ народы, обитающіе во вселенной, услышали проповѣдь о Христѣ, и что, поэтому, согласно обѣтованію Господню, гибель міра и царствіе Божіе наступитъ немедленно. Это убѣжденіе аподиктически высказывается уже у перваго поколѣнія христіанскихъ писателей, когда численность христіанства была ничтожна и само христіанство еще не обращало на себя никакого вниманія,—въ твореніяхъ мужей апостольскихъ, у Климента Римскаго ¹⁾, Игнатія Богоносца ²⁾ и въ „Пастырѣ“ Ермы ³⁾, и самое интенсивное выраженіе себѣ находитъ въ сочиненіяхъ Тертулліана ⁴⁾. Основанныя на предвзятой идеѣ, эти показанія церковныхъ писателей не имѣютъ никакого историческаго значенія и опровергаются заявленіями болѣе свѣдующихъ лицъ. Такъ, Оригенъ, жившій позднѣе Тертулліана, полемизируя прямо

¹⁾ Epist. I, 5: „будучи проповѣдникомъ на Востоку и на Западѣ, онъ (ап. Павелъ) приобрѣлъ благородную славу за свою вѣру, такъ какъ научилъ *весь міръ правдѣ*“..

²⁾ Ad Ephes. 3: „ибо Иисусъ Христосъ, общая наша жизнь, есть мысль Отца, какъ и епископы, поставленные по *концамъ* (земли), находятся въ мысли Иисуса Христа“.

³⁾ Simil. VIII, 3: „это большое дерево, покрывающее поля и горы и *всю землю*, означаетъ Законъ Божій, данный *всему міру*; Законъ этотъ есть Сынъ Божій, проповѣданный въ *концахъ земнаго шара*“; ср. Simil. IX, 17.

⁴⁾ Apol. 2, с. 37: „мы существуемъ со вчерашняго дня и уже наполняемъ все ваше: города, острова, крѣпости, муниципіи, совѣты, даже лагеря, декуріи, дворы, сенатъ, форумъ; оставляемъ вамъ одни ваши храмы... Мы можемъ побѣдить васъ однимъ уже тѣмъ, если удалимся отъ васъ. Потому что когда такая масса людей, оставивъ васъ, уйдетъ въ какую-нибудь пустыню, то потеря столь большаго числа гражданъ обезсилила бы ваше государство и самымъ удаленіемъ наказала бы васъ. Безъ сомнѣнія, вы пришли бы въ ужасъ отъ сознанія одиночества и безмолвія и въ страхѣ при видѣ какъ бы омертвѣвшаго міра: больше бы осталось у васъ враговъ, чѣмъ гражданъ“... Ad Scap. 2: „Такое множество людей, почти большаго числа въ каждомъ городѣ, мы живемъ въ молчаніи и скромности“; Adv. jud. 8: „въ кого много вѣруютъ *народы вселенной*, какъ не въ пришедшаго уже Христа!“

противъ самой мысли о близкой кончинѣ міра, въ доказательство ея ошибочности, указываетъ именно на то, что Евангеліе остается неизвѣстнымъ еще многимъ народамъ вселенной, что даже внутри греко-римской имперіи христіанъ было мало сравнительно съ языческимъ населеніемъ ¹⁾. Третій приемъ, обычно практикуемый при статистическихъ изслѣдованіяхъ по древней церковной исторіи и особенно широко примѣняемый Гарнакомъ, состоитъ въ опредѣленіи количества христіанъ при помощи числа епископій, значащихся въ той или другой провинціи. Этотъ приемъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ свое значеніе и во многихъ случаяхъ является единственнымъ болѣе или менѣе прочнымъ основаніемъ, руководясь которымъ статистикъ можетъ сдѣлать приблизительно вѣрный расчетъ о распространенности христіанства въ той или другой области. Но если гдѣ, то именно здѣсь историкъ долженъ беречься отъ соблазна перенести понятія своего времени въ глубокую древность и свое субъективное впечатлѣніе сочестъ за дѣйствительный фактъ. Благодаря обилію официальныхъ документовъ, — главнымъ образомъ, актовъ соборныхъ, сохранившихся отъ конца 3-го и начала 4-го столѣтія, — мы почти для каждой провинціи съ значительной точностью можемъ опредѣлить число принадлежащихъ ей епископій, но мы совсѣмъ лишены возможности сказать, сколько христіанъ находилось въ составѣ той или другой епископіи. Вообще говоря, древнія епископіи были очень разнообразны и по своему пространству и по количеству заключаемыхъ ими въ себя христіанъ, и у насъ нѣтъ совсѣмъ твердаго критерія, опираясь на который мы могли бы принять какую-либо опредѣленную цифру хри-

¹⁾ Orig. in Comment. in Matth. ad 24, 9 (Lommatzsch, VI, 269—Harnack cit. op., s. 364): „въ это время возстановленія вещей (т. е. въ концѣ міра) Евангеліе, которое прежде не было проповѣдано во всемъ мірѣ, потому что многіе не только изъ варваровъ, но и изъ нашихъ народовъ доселѣ не слышали слова о христіанствѣ (christianitatis verbum), — и тогда проповѣдуются (евангеліе царствія)... и будетъ кончина міра“. — Contra Cels. III. 30 — замѣчаетъ, что христіанскіе пресвитеры были бы достойны занимать мѣста въ городскихъ совѣтахъ, „если бы хотя одинъ городъ былъ вполне христіанскій (πόλις τοῦ θεοῦ)“; III, 10: ὅτι μὲν οὖν συχρῖσαι τῆς ἐξῆς πλῆθους ὀλίγοι ἦσαν ἀρχόμενοι χριστιάνοι δηλον. — Origenes Werke, heransgeg. in Auftrag d. konig. press. Akad. d. Wissensch. von Koetschau, Leipzig, 1899. I B. pp. 227. 210.

стіанъ для каждой епископіи. Слѣдующіе два-три примѣра могутъ дать наглядное понятіе объ этихъ затрудненіяхъ, необходимо связанныхъ съ статистическими работами въ примѣненіи къ древней церкви. Въ царствованіе Валента, уже во второй половинѣ 4-го вѣка, два эдесскихъ пресвитера были сосланы въ еивскій городъ — Антиною (въ Египтѣ); они нашли здѣсь единомышленнаго себѣ епископа, и когда посѣтили церковное собраніе, то были удивлены ничтожнымъ числомъ собравшихся къ богослуженію, и затѣмъ изъ разспросовъ епископа узнали, что почти всѣ жители города оставались язычниками ¹⁾. Другой примѣръ болѣе характеренъ: онъ относится къ началу 5-го вѣка, ко времени царствованія Θεодосія Младшаго, и рассказывается въ житіи сыгравшаго въ свое время большую роль Порфирія Газскаго. Газа, въ которой епископствовалъ Порфирій, — не какое-нибудь захолустье, а большой и весьма населенный городъ, служившій посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей, *egregia et insignis civitas*, какъ называютъ его Іеронимъ и Марцеллинъ ²⁾. До Порфирія въ Газѣ смѣнился цѣлый рядъ епископовъ, имена которыхъ исторически извѣстны съ 3-го вѣка. Но какую же паству нашель здѣсь Порфирій? — по точному указанію житія во дни прибытія Порфирія въ Газу тамъ оказалось всего 280 христіанъ, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, — и это было цѣлый вѣкъ спустя послѣ обращенія Константина въ христіанство ³⁾! — Положимъ, намъ теперь извѣстно, что на соборѣ въ 380 году, собранномъ донатистами, присутствовало 270 епископовъ изъ одной Африки, но какой выводъ мы должны сдѣлать отсюда? какую цифру христіанъ мы должны подставить подъ каждое епископство? Но если мы допустимъ на каждого епископа по 1000 христіанъ, цифру самую крупную для того времени, то и тогда для всей Африки мы получимъ 270,000 христіанъ, что при 9-милліонномъ населеніи Африки даетъ менѣе 3 процентовъ ⁴⁾.

1) Theodoret. Н. Е. X, 18.

2) Herzog. Real-Encyclopädie, 2 Aufl. IV, 622.

3) Житіе Порфирія, епископа Газскаго. Палестинскій Патерикъ, выш. 5. Изданіе Прав. Сал. Общ. СПб. 1895, стр. 16.

4) Cp. Schultze, Geschichte d. Untergangs d. griechisch—romischen Heidenthums B. 1, s. 4. Jena, 1887.

Впрочемъ, все сказанное имѣеть свое значеніе лишь въ отношеніи къ тѣмъ преувеличеніямъ христіанской численности, какія встрѣчаются у Гарнака. Приведенные примѣры доказываютъ не то, что всякія статистическія изслѣдованія въ примѣненіи къ древней церкви безплодны, а то, что они требуютъ осторожности. Правда, сохранившіяся до насъ свѣдѣнія древности слишкомъ неполны, разрозненны и неопредѣленны, чтобы съ помощію ихъ можно было установить *точную и несомнѣнную цифру* языческаго и христіанскаго населенія римской имперіи къ началу IV вѣка, но они вполне достаточны для того, чтобы создать *общее* представленіе о количествѣ христіанъ въ этомъ періодѣ и отношеніи его къ язычникамъ. Не вдаваясь въ подробности, мы остановимся лишь на населеніи главнѣйшихъ городовъ римскаго государства,—такихъ, какъ Римъ, Александрія и Антіохія, гдѣ христіанскія церкви должны были отличаться наибольшею многочисленностью своихъ членовъ,—тѣмъ болѣе, что здѣсь мы по счастливой случайности обладаемъ болѣе точными и достовѣрными данными. Съ численнымъ составомъ первенствующей въ древности римской церкви, церкви столичной, знакомитъ насъ одинъ документъ, помѣщенный въ церковной исторіи Евсевія и падающій на половину 3-го вѣка; именно: посланіе папы Корнилія къ Фабію, епископу антiохійскому, написанное по поводу возникшей въ Римѣ схизмы Новага. Указывая въ немъ на многолюдство и богатство своей церкви, Корнилій говоритъ: „онъ (Новатъ) не зналъ, что въ церкви каѳолической надлежитъ быть одному епископу, но онъ зналъ, что въ ней (т.-е. римской церкви) находится 46 пресвитеровъ, 7 діаконовъ, 7 иподіаконовъ, 42 прислужника, 52 человекъ заклинателей, чтецовъ и привратниковъ и болѣе 1500 вдовицъ и немощныхъ, которыхъ всѣхъ питаетъ благодать и человеколюбіе Господа“ (т.-е. церковныя подаванія) ¹⁾. Это мѣсто одно изъ самыхъ важныхъ въ статистическомъ отношеніи, какое мы имѣемъ за первые три вѣка христіанства. Выходя изъ того соображенія, что по свидѣтельству Златоуста ²⁾, антiохійская церковь, насчитывавшая тогда у себя 100,000 членовъ, пропи-

¹⁾ Euseb. H. E., VI. 43.

²⁾ Hom. 85, 4.

тывала 3000 нуждающихся, мы, дѣлая уже одинъ простой арифметическій расчетъ, должны будемъ количество христіанъ въ римской церкви въ половинѣ 3-го вѣка опредѣлить въ 50,000 христіанъ ¹⁾. Но любопытно, что почти тотъ же выводъ можно извлечь изъ письма Корнилія, если взять за исходный пунктъ его показанія о численности римскаго клира. Здѣсь важно число пресвитеровъ и число чтецовъ: діаконы, иподіаконы и аколуты или прислужники, по обычаю апостольской церкви, долго сохранявшемуся въ Римѣ, назначались главнымъ образомъ не для совершенія богослуженія, а для раздачи милостыни, ухода за больными и вообще для экономическихъ цѣлей; для совершенія же богослуженія необходимы были пресвитеръ и чтець. Можно, затѣмъ, допустимъ, что въ Римѣ половины 3-го вѣка для каждаго пресвитера и чтеца существовалъ особый молитвенный домъ, ибо затѣмъ было иначе умножать только пресвитеровъ и въ особенности чтецовъ? Принимая теперь, что обычный молитвенный домъ могъ вмѣщать въ себѣ около 1,000 молящихся, мы придемъ къ тому же результату, какой получается и на основаніи питаемыхъ римскою церковью вдовъ и немощныхъ т.е. около 50,000 ²⁾. По болѣе вѣроятному подсчету, общее населеніе Рима въ 3-мъ и 4-мъ вѣкахъ достигало до 900,000 жителей ³⁾; значить въ половинѣ 3-го вѣка христіане, жившіе въ столицѣ имперіи, составляли только незначительную часть всего ея населенія, менѣе $\frac{1}{20}$. За 50 лѣтъ, протекшихъ отъ написанія корнелиемъ своего посланія къ Фабію до обращенія Константина въ христіанство, численность римской церкви, конечно, умножилась. На это, по крайней мѣрѣ, указываютъ слова Евсевія, что соперникъ Константина Максенцій, присвоивъ себѣ власть надъ Римомъ, сначала притворился чителемъ христіанской вѣрѣ „изъ угодливости и ласкательства римскому народу“ ⁴⁾, т.е. Максенцій, по словамъ Евсевія, долженъ былъ считаться съ христіанскимъ населеніемъ своей сто-

1) Ср. Гиббонъ, цит. соч., II, 79.

2) Ср. Harnack, cit. op. s. 498.

3) Вопросъ о количествѣ римскаго населенія принадлежитъ къ наиболѣе спорнымъ; см. Schultze, I, 8; anm. 3: Harnack, 498; anm. 2; здѣсь взята средняя цифра.

4) Euseb. H. E. VIII, 14.

лицы. Но, если мы предположимъ даже, что къ IV-му вѣку число христіанъ въ Римѣ удвоилось, то и тогда получимъ въ нихъ $\frac{1}{10}$ всего римскаго населенія.

Къ такимъ же приблизительно результатамъ приводитъ разсмотрѣніе и тѣхъ данныхъ о количествѣ христіанъ, которые находятся въ распоряженіи науки относительно двухъ другихъ наиболѣе многолюдныхъ пунктовъ римской имперіи — Александріи и Антиохіи. О христіанскомъ населеніи перваго изъ поименованныхъ городовъ мы не имѣемъ никакихъ цыфровыхъ указаній, но здѣсь хорошо обрисовываетъ дѣло одинъ фактъ изъ жизни св. Аѳанасія александрійскаго падающій на царствованіе Констанція, сына Константина Великаго. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Аѳанасія обвинили предъ царемъ въ недостаточной почтительности къ царской власти и въ доказательство обвиненія сослались на то, что александрійскій епископъ освятилъ новый „великій“ храмъ въ Александріи, не только не дождавшись указа царя, какъ тому слѣдовало бы быть по установившемуся при христіановыхъ царяхъ обычаю, но даже и не извѣстивши его объ этомъ. Аѳанасій долженъ былъ защищаться, — и вотъ какъ онъ оправдывался предъ Констанціемъ. По словамъ Аѳанасія, единственной причиной его поступка, — служенія въ новой церкви безъ разрѣшенія на то императора, — является многолюдство христіанъ въ его городѣ. Христіанское населеніе въ Александріи, — говоритъ Аѳанасій, — такъ увеличилось, что всѣхъ существующихъ тамъ храмовъ уже было недостаточно для того, чтобы помѣстить его въ себѣ. Этотъ недостатокъ особенно сильно давалъ себя чувствовать въ праздники и дни поста: въ четьредесятницу, предшествовавшую незаконному служенію въ новомъ храмѣ, стеченіе народа въ церкви было такъ велико, что отъ тѣсноты большая часть дѣтей и не мало юныхъ женъ, большая часть старыхъ женщинъ и не мало юношей приносимы были домою раздавленными. Между тѣмъ наступалъ праздникъ Пасхи. По этому случаю къ епископскому храму собралось весьма много народу; по выраженію Аѳанасія, — „столько именно, сколько христіановымъ царямъ можно желать, чтобы такое число христіанъ было въ каждомъ городѣ“. Опасаясь тѣсноты и въ тоже время желая провести праздникъ вмѣстѣ, александрійская паства не пошла въ епископскій храмъ и за

неимѣнемъ помѣстительнаго зданія, намѣревалась лучше удалиться за городъ и здѣсь, подъ открытымъ небомъ, совершить молитву. Справедливо находя это намѣреніе паствы безпорядкомъ, Аѳанасій и рѣшилъ воспользоваться выстроеннымъ уже, но не совѣмъ оконченнымъ храмомъ. Она пригласивъ туда паству и здѣсь устроивъ пасхальное богослуженіе ¹⁾.—Изъ рассказаннаго сейчасъ факта само собою вытекаютъ два любопытные вывода въ отношеніи къ нашему вопросу: во-первыхъ, христіанинъ въ Александріи было такъ много, что, по представленію Аѳанасія, каждый другой городъ могъ бы пожелать себѣ такого числа ихъ, а во-вторыхъ, все это множество христіанъ въ день Пасхи сѣумѣло умѣститься въ одномъ храмѣ. Какъ бы ни былъ великъ храмъ, о которомъ говоритъ Аѳанасій, все же его размѣры должны быть ограниченны. Если мы число александрійскихъ христіанъ, собравшихся въ одномъ храмѣ, опредѣлимъ даже въ 50,000, то это будетъ самая большая цифра, допустимая въ условіяхъ рассказываемаго Аѳанасіемъ факта, а такъ-какъ далѣе всѣхъ жителей Александріи къ началу IV вѣка было около полумилліона ²⁾, то слѣдовательно и здѣсь пропорція между языческимъ и христіанскимъ населеніемъ выразится тѣмъ же знакомъ $\frac{1}{10}$ доли, что и въ Римѣ.

Свѣдѣнія о количествѣ христіанскаго населенія въ Антиохіи,—третьемъ главномъ городѣ Римской Имперіи, — мы получаемъ изъ позднѣйшаго времени, изъ устъ св. Іоанна Златоуста, и на первый взглядъ свѣдѣнія неожиданныя. Въ своихъ проповѣдяхъ Златоустъ число христіанъ, сходящихся въ главную церковь, опредѣляетъ въ 100,000, тогда какъ, по его собственному показанію, все населеніе Антиохіи его времени равнялось 200,000; получается, такимъ образомъ, очень высокій процентъ: половина всего населенія,

¹⁾ Athan. Alex., Apologia ad Const. 15. 16. Статистической оцѣнкой этого факта наука обязана *исключительно* проф. В. В. Болотову, въ литографированныхъ лекціяхъ котораго мы нашли указаніе на него. Никто изъ западныхъ статистиковъ не догадался воспользоваться имъ въ этихъ цѣляхъ, а между тѣмъ онъ одинъ напр. способенъ разрушить весь отдѣлъ у Гарнака, посвященный вопросу о численности христіанъ въ Александріи и Египтѣ.

²⁾ Beloch. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt, 1 Th. Leipzig. 1886. s. 259.

а это должно свидѣтельствовать за большую численность антиохійскихъ христіанъ и къ началу 4-го вѣка. Но всматриваясь ближе въ извѣстіе Антиохійскаго проповѣдника, можно подмѣтить въ немъ небольшую неточность; рабы, иностранцы и дѣти у него входятъ въ общую сумму христіанъ, но исключаются изъ суммы язычниковъ ¹⁾. Исправляя этотъ учетъ, т.-е. добавляя къ показанной къ Златоусту цифрѣ иностранцевъ, языческихъ рабовъ и дѣтей, мы должны будемъ общее населеніе Антиохіи возвысить до полмилліона ²⁾, причемъ на долю христіанъ остается $\frac{1}{5}$ часть. Но Златоустъ проповѣдывалъ въ Антиохіи въ концѣ IV вѣка, когда уже прошло болѣе 60 лѣтъ, въ теченіи которыхъ церковь пользовалась покровительствомъ государства и милостями императора. Поэтому, и количество христіанъ, опредѣляемое Златоустомъ, нужно уменьшить по крайней мѣрѣ вдвое, чтобы получить вѣроятное число антиохійскаго христіанскаго населенія къ началу IV вѣка т.-е. остановиться на той же $\frac{1}{10}$ доли.

Казалось бы, выводы, сдѣланные сейчасъ относительно христіанскаго населенія трехъ важнѣйшихъ городовъ римской имперіи ко времени обращенія Константина, сами въ себѣ уже даютъ намъ возможность составить общее представленіе и о количествѣ всѣхъ христіанъ въ римскомъ государствѣ въ ихъ отношеніи къ язычеству. Одно простое логическое соображеніе уже, повидимому, говоритъ за то, что коль скоро въ этихъ столицахъ гражданственности, просвѣщенія и торговли христіанъ насчитывалось не болѣе $\frac{1}{10}$ части, то въ менѣе важныхъ провинціальныхъ городахъ, стоявшихъ вдали отъ торговыхъ путей и житейскаго взаимообщенія, ихъ процентъ по сравненіи съ язычниками долженъ быть гораздо ниже. Такое заключеніе было бы, однако, поспѣшнымъ. Въ большихъ городахъ, какъ Александрія и Антиохія и самое язычество обладало болѣею силой: великолѣпные храмы, множество жрецовъ, пышныя процессіи, торжественные праздники, наука и аристократія, стоявшая на сторонѣ національной религіи,—все это придавало язычеству блескъ и силу, съ которой трудно было бороться христіанству, со-

¹⁾ Homil. in Ignat. 4; hom. 85, 4.

²⁾ Гиббонъ, II, 76.

стоявшему по большей части изъ низшихъ слоевъ населенія и въ періодъ гоненій не смѣвшему показываться на Божій свѣтъ. Въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ эта задача выполнялась легче: здѣсь христіане достигали иногда такого успѣха, что не только становились преобладающимъ элементомъ въ городскомъ населеніи, но и весь городъ обращали въ свою вѣру. Рассказывая въ своей церковной исторіи о мученикахъ, пострадавшихъ въ гоненіе Діоклитіана, Евсевій упоминаетъ объ одномъ фригійскомъ городкѣ, все населеніе котораго оказалось христіанами, такъ что гонители, явившіеся сюда, не нашли ничего лучшаго, какъ обложить весь городъ, сожечь его и истребить всѣхъ жителей ¹⁾. Знаменитый основатель и учитель антиохійской школы, Лукіанъ, въ своей предсмертной рѣчи, произнесенной предъ казнью, указывая на бесполезность всѣхъ насильственныхъ мѣръ для подавленія христіанства, также свидѣтельствуетъ, что въ его время были цѣлые города, наполненные одними христіанами ²⁾. Поэтому, по отношенію къ восточнымъ областямъ римской имперіи, по отзывамъ всѣхъ изслѣдователей отличавшихся преимущественнымъ обиліемъ исповѣдниковъ новой религіи, процентъ, устанавливаемый при помощи разсчета, примѣннаго къ столичнымъ городамъ, долженъ быть повышенъ; возможно, что здѣсь онъ опредѣлялся $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{7}$ частью всего населенія.— Иначе дѣло обстояло на Западѣ. Имѣя своимъ центромъ и исходнымъ пунктомъ Римъ, христіанство въ западныхъ провинціяхъ (за исключеніемъ Африки) распространялось весьма туго и никогда не достигало до такой крупной цифры, какъ это было на Востокѣ. Даже въ такихъ торговыхъ и населенныхъ городахъ, какъ Ліонъ и Віенна въ южной Галліи, съ преобладающимъ греческимъ населеніемъ и потому стоявшихъ въ постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Востокомъ, оно появляется лишь во второй половинѣ второго вѣка. Первое извѣстіе о немъ мы получаемъ изъ посланія ліонскихъ мучениковъ къ азійскимъ и фригійскимъ церквамъ, описывающаго гоненіе, перенесенное ліонскими христіанами въ 177 году при императорѣ Маркѣ Авреліи ³⁾, причемъ число

¹⁾ Euseb. Hist. ecc. VIII, II.

²⁾ Orat. y Rufin. Hist. eccl. IX, 6.

³⁾ Посланіе помѣщено въ Церковной исторіи Евсевія (Н. Е. V, 1).

мучениковъ не возвышалось болѣе 49, хотя гоненіе было необыкновенно тяжело и къ процессу привлечена была вся церковь ¹⁾. Въ нашихъ ближайшихъ цѣляхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о количествѣ христіанъ въ Галліи и Британіи,—странахъ, гдѣ вращался Константинъ въ первый періодъ своей государственной дѣятельности,—къ тому же и въ этомъ специальномъ пунктѣ наука не остается вполнѣ безпомощной. Уже уменьшительное выраженіе „conventicula“, употребленное Лактанціемъ ²⁾ въ извѣстіе о галльскихъ церквахъ, разрушенныхъ въ началѣ гоненія Діоклитіана по приказанію Констанція Хлора, отца Константина Великаго, даетъ понятъ, какъ мало насчитывалось въ Галліи христіанъ, если они довольствовались небольшими зданіями для своихъ богослужебныхъ собраній. Въ Трирѣ, резиденціи Константина, епископская кафедра въ первый разъ учреждена была въ половинѣ 3-го вѣка, но до 336-го года число христіанъ въ этой столицѣ Галліи было такъ ничтожно, что оно помѣщалось въ одномъ маленькомъ храмѣ ³⁾. Когда въ этомъ году св. Аѳанасій Александрійскій посѣтилъ Трирѣ, тамъ начали строить другую церковь; однако, до самаго конца IV вѣка Трирѣ оставался вполнѣ языческимъ городомъ ⁴⁾. И Британія, другая страна, въ которой лично бывалъ Константинъ, не могла похвастаться численностью своихъ христіанскихъ обитателей. Среди 400 западныхъ епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ въ Арминіѣ, собранномъ императоромъ Констанціемъ въ 359 году, присутствовало лишь три британскихъ епископа, заявившіе о себѣ съ исторіи собора только тѣмъ, что по своей бѣдности они согласились принять царское подаваніе для неизбежныхъ расходовъ, въ то время какъ всѣ остальные епископы, желая сохранить самостоятельность, отказались отъ государственной помощи ⁵⁾. Такимъ образомъ для западной половины имперіи, въ противоположность Востоку,

1) Hirschfeld. Zur Geschichte des Christent. in Lungdunum vor Constantin in Sitzungsberich. d. k. preuss. Akad. d. Wiss. 1895, s. 381 f.—см. Har. nack, cit. op. s. 307).

2) De mortibus persecut., c. 15.

3) Athanas. Alex. Apolog. ad Const. 15.

4) Schultze, cit. op., II, 101 f.

5) Sulpicius Sewerus, Chron. II, 41.

процентъ христіанъ, высчитываемый на основаніи свѣдѣній, относящихся къ Риму, долженъ быть значительно пониженъ; здѣсь онъ едва-ли превосходилъ $\frac{1}{20}$ часть всего населенія.

Значительно уступая язычникамъ въ количественномъ отношеніи, христіане въ тоже время представляли собой такой классъ населенія римской имперіи, который съ политической точки зрѣнія не имѣлъ никакой цѣнности или, если и имѣлъ, то весьма ничтожную. Государственный строй имперіи,—въ томъ видѣ, какъ онъ сложился къ 4-му в.,—опирался главнымъ образомъ на два класса населенія: на сельское, земледѣльческое сословіе и на войско. Земледѣльческій классъ выносилъ на своихъ плечахъ расходы по имперскому управленію, а войско, изъ котораго избирались начальники областей, префекты и проконсулы, обеспечивало внѣшнюю безопасность и внутренній порядокъ въ государствѣ. Политическій дѣятель, который пожелалъ бы достигнуть высшаго положенія въ имперіи, долженъ былъ бы прежде всего считаться съ настроеніемъ этихъ двухъ классовъ и заботиться о приобрѣтеніи себѣ поддержки у нихъ. Но какъ разъ именно среди сельскаго населенія и служивыхъ людей христіанство вплоть до IV вѣка и встрѣчало себѣ менѣе радушный приемъ. Въ римской имперіи земледѣльческое сословіе, какъ и теперь, представляло собой наиболѣе консервативный элементъ населенія, ревниво привязанный къ преданіямъ отцовъ; философія, пошатнувшая вѣру въ боговъ въ образованныхъ городскихъ кружкахъ, была здѣсь совершенно неизвѣстна; всякая перемѣна воспринималась здѣсь строго, и всякое новое ученіе выслушивалось съ заранѣе опредѣляющимъ его участь нерасположеніемъ. Съ другой стороны, и распространеніе христіанства шло преимущественно по великимъ торговымъ путямъ древняго міра, по болѣе многолюднымъ и заселеннымъ городамъ, оставляя безъ вниманія лежавшія въ глубинѣ страны села и захолустья. Церковь первыхъ трехъ вѣковъ христіанства была церковью городовъ; на языкѣ древнѣйшихъ писателей, напр., у Егезиппа выраженіе „въ каждомъ епископскомъ преествѣ“ совершенно тождественно съ выраженіемъ „въ каждомъ городѣ“¹⁾. Конечно, и римское крестьянство

¹⁾ Zahn. Skizzen aus dem Leben der alten Kirche. Leipzig, 1894; s. 304; anm. 10.

не осталось вполнѣ незатронутымъ христіанскою проповѣдью; еще Плиній въ началѣ 2-го вѣка жаловался на то, что христіанская зараза проникла не только въ города, но въ села и деревни Виѣинской провинціи; монтеизмъ также зарождается среди христіанъ сельскаго сословія, жившихъ въ одномъ Фригійскомъ захолустьи. Но это лишь рѣдкіе примѣры, относящіеся притомъ къ одной восточной окраинѣ римской имперіи, которые ни мало не измѣняютъ общаго положенія дѣла. Образованіе христіанскихъ общинъ по селамъ и деревнямъ началось собственно только со второй половины 3-го вѣка, такъ какъ именно изъ этой эпохи мы получаемъ первые и очень скудныя свѣдѣнія о лицахъ духовнаго сана, проходившихъ свое служеніе въ селахъ (такъ называемыхъ хорепископахъ). Но насколько туго подвигалось распространеніе христіанства въ коренномъ земледѣльческомъ населеніи, это видно изъ того, что христіанскіе государи главную энергію въ борьбѣ съ язычествомъ должны были направить на это сословіе, и однако, извѣстно, что паганизмъ нигдѣ такъ долго не удерживался, какъ среди крестьянства. Столь же мало послѣдователей христіанство могло насчитать и въ рядахъ войска. Во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ римскія войска вербовались отчасти изъ того же сельскаго класса населенія, мало знакомаго съ христіанствомъ, отчасти же и главнымъ образомъ изъ варварскихъ германскихъ племенъ, попадавшихъ въ плѣнъ или просто переходившихъ на службу имперій за плату и ничего не знавшихъ о христіанствѣ. Какъ ничтоженъ былъ въ войскахъ христіанскій элементъ, это съ полною очевидностью открывается изъ факта, случившагося незадолго до открытія общаго гоненія на христіанъ при Діоклитіанѣ. Предполагая возбудить преслѣдованіе на христіанъ своей имперіи, Діоклитіанъ, по извѣстію Евсевія ¹⁾, предварительно приказалъ очистить отъ нихъ всѣ войска,— и это приказаніе немедленно было исполнено. Безъ сомнѣнія, Діоклитіанъ отказался бы отъ такого категорическаго распоряженія, если бы исполненіе его сопряжено было съ какимъ-либо существеннымъ урономъ для арміи.— Преобладающее большинство христіанъ къ началу IV вѣка мы должны искать не въ арміи и не въ земледѣльческомъ сосло-

¹⁾ Euseb. H. E. VIII. 4; см. Lactantius, De mort persec. c. X.

віи, а среди городского населенія, которое по своей болѣе высокой культурности, нѣкоторому знакомству съ выводами классической философіи и страсти къ всевозможнымъ новшествамъ, представляло собой наиболѣе благодарную почву для распространенія христіанства. Но и въ городахъ большая часть знатныхъ семействъ и высшей интеллигенціи оставалась еще вѣрной язычеству. Аристократію связывали съ язычествомъ старыя традиціи, на которыхъ покоилось ея собственное значеніе, а ученый языческій міръ упорно продолжалъ видѣть въ христіанствѣ врага не только древней религіи, но и всей классической науки и культурѣ. Въ городахъ на сторонѣ христіанства стоялъ тотъ классъ населенія, который въ настоящее время обозначается обыкновенно именемъ средняго. При сильномъ развитіи въ древнемъ мірѣ городской жизни, это былъ классъ довольно многочисленный, но какъ разъ именно онъ въ тогдашнемъ строѣ римской имперіи т.-е. *политически* ровно ничего и незначилъ. Политическому карьеристу онъ не могъ давать никакихъ ручательствъ.

Итакъ, обзоръ положенія христіанъ въ римской имперіи ко времени правленія Константина убѣждаетъ насъ, что ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи христіане той эпохи не составляли изъ себя такой политической силы, которая могла бы привлечь къ себѣ Константина по однимъ внѣшнимъ расчетамъ на ея поддержку. Такого рода расчеты вообще были неприменимы къ современному Константину христіанству, ибо что привлекательнаго, заманчиваго для честолюбія могли имѣть въ себѣ христіане того времени? Значительно уступая въ своей численности язычеству, лишеныя всякаго политическаго вліянія, они къ тому же были запуганы еще послѣднимъ гоненіемъ и стояли въ сторонѣ отъ всякихъ соприкосновеній съ политикой, заботясь только о приготовленіи себя къ будущей жизни. Какую опору могла дать эта кучка забывшихъ о мірскихъ интересахъ людей полководцу, стремившемуся къ обладанію всей имперіей? Что они могли предложить ему, кромѣ своихъ молитвъ? Правда, изъ исторіи религіозныхъ движеній мы знаемъ, что иногда и небольшая кучка людей, одушевленныхъ одной идеей, оказывалась сильнѣе своихъ противниковъ, хотя бы она и была малочисленна и стояла внѣ покровительства законовъ: въ началѣ XVII вѣка,—замѣчаетъ Гиббонъ,—папи-

сты въ Англіи составляли лишь тринадцатую, а протестанты во Франціи лишь пятнадцатую часть населенія, и однако постоянно внушали ужасъ своимъ мужествомъ и вліяніемъ. Но древніе христіане не прибѣгали къ насилію и не защищали себя съ оружіемъ въ рукахъ, да и дѣло папистовъ въ Англіи и протестантовъ во Франціи было проиграно. Безъ сомнѣнія, говоря словами того же Гиббона ¹⁾, „среди безнравственнаго языческаго населенія начала IV-го вѣка, съ равнодушіемъ рабовъ смотрѣвшаго на перемѣну своихъ повелителей“, мужественное, сплоченное и нравственно—высокое общество христіанъ представляло собой единственное здоровое зерно во всей имперіи и могучую моральную силу, способную возродить государственную жизнь, но нужно было сначала убѣдиться въ здравости этого зерна, сначала повѣрить въ эту моральную силу, а потомъ уже пользоваться ею. Такъ было и съ Константиномъ Великимъ. Если христіане своею готовностью жертвовать за нею жизнью и состояніемъ и дѣйствительно оказали помощь его политическимъ планамъ, то это явилось слѣдствіемъ обращенія Константина въ христіанство, не причиной его.

II.

Попытка представить обращеніе Константина въ христіанство, какъ тонкій политическій маневръ, есть продуктъ новѣйшей исторіографіи. Древность, тоже не мало занимавшая этимъ вопросомъ, оставила намъ совершенно инныя объясненія его. Изъ этихъ объясненій наибольшаго вниманія заслуживаютъ три разсказа, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ перу языческаго историка V-го вѣка Зосима, а два другихъ изложены христіанскими писателями—Евсевіемъ, еп. Кесарійскимъ, на страницахъ его книги „О жизни Константина“ и Лактанціемъ въ его извѣстномъ трудѣ: „О смерти гонителей“.

Разсказъ Зосима любопытенъ. „Послѣ того, какъ,—пишетъ Зосимъ,—вся имперія подпала подъ власть Константина, онъ уже не скрывалъ болѣе злонравія, всѣяннаго въ его природу, но отдавшись своимъ страстямъ началъ дѣйствовать насиліемъ; отеческимъ богослуженіемъ онъ доселѣ еще пользовался но не столько ради уваженія къ нему, сколько по не-

¹⁾ II, 361.

обходимости; поэтому и прорицателямъ вѣрилъ, опытно узнавши, что истину предсказывали они касательно всего, совершеннаго имъ. Когда же прибылъ въ Римъ (въ 326 г.) полный всякой дерзости, съ собственнаго семейства положилъ начало своему нечестію. Не обращая никакого вниманія на родственные узы, онъ умертвилъ своего сына Криспа Цезаря, заподозривъ его въ близкихъ сношеніяхъ съ Фаустой, его мачихой ¹⁾. Когда же Елена, мать Константина, пораженная такимъ несчастіемъ, впала въ безутѣшную скорбь по убитомъ юношѣ, Константинъ, какъ бы въ утѣшеніе ея, исцѣлили прежнее зло новымъ и бѣльшимъ: приказавъ чрезмѣрно натопить баню, онъ посадилъ туда Фаусту и вывелъ мертвою. Сознавая себя виновнымъ во всемъ этомъ и, кромѣ того, въ презрѣннн обрядовъ религіи, онъ обратился къ жрецамъ, требуя отпущенія грѣховъ. Когда же они отвѣтили ему, что имъ не предано такого способа очищенія, который могъ бы изгладить столь нечестивыя преступленія, какой-то египтянинъ, прибывшій изъ Испаніи въ Римъ и сблизившійся съ придворными дамами ²⁾, получивъ доступъ къ Константину, убѣдилъ его, что христіанское ученіе можетъ отпускать какіе-угодно грѣхи и такое имѣетъ обѣтованіе, что нечестивые, принимающіе его, тотчасъ же освобождаются отъ всякаго порока. Скоро поддавшись этимъ убѣжденіямъ и отвергнувъ отеческіе обряды, Константинъ присоединился къ наставленіямъ, какія преподалъ ему египтянинъ, и свое нечестіе обнаружилъ тѣмъ, что усумнился въ предсказаніяхъ, а такъ какъ посредствомъ ихъ были предвозвѣщены ему многія благопріятныя событія, осуществившіяся на самомъ дѣлѣ, то опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ враговъ его не воспользовался ими противъ его, онъ рѣшилъ уничтожить ихъ. Когда же по отеческому обычаю наступилъ праздникъ, въ который войску нужно было восходить въ Капитолій, въ презрительныхъ словахъ подвергнувъ этотъ обычай порицанію и уклонившись отъ священныхъ преданій, наслѣдовалъ ненависть сената и народа“ ³⁾.

Таковъ разсказъ Зосима. Откидывая изъ этого разсказа тенденціозную оболочку, какую онъ естественно долженъ быть

¹⁾ Т. е. второй женой Константина.

²⁾ По догадкѣ Буржгардта здѣсь разумѣется Осія Кордубскій.

³⁾ Zosimus, Hist. II, 29.

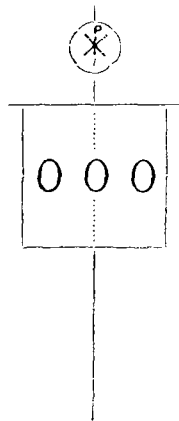
принять въ устахъ язычника, мы легко откроемъ въ немъ извѣстіе, само по себѣ вѣроятное и нимало не роняющее ни нравственной цѣнности поступка Константина, ни достоинства той религіи, къ которой онъ обратился. Въ существѣ дѣла Зосимъ въ приведенномъ разсказѣ говоритъ только то, что Константинъ поспѣшилъ отказаться отъ культа отцовъ и примкнулъ къ новому нечестію потому, что культъ отцовъ не могъ доставить ему того нравственнаго удовлетворенія, въ которомъ онъ такъ сильно нуждался. Дѣйствительно, въ 326 году, во время посѣщенія Константиномъ Рима, по приказанію его были умерщвлены его старшій сынъ и жена; несмотря на всѣ усилія, историкамъ доселѣ не удалось разъяснить этой загадочной трагедіи въ семейной жизни Константина, тѣмъ болѣе, что и самыя свѣдѣнія древности о ней крайне отрывочны и противорѣчивы. Но несомнѣнно, что эти тяжелыя событія, пережитыя Константиномъ въ Римѣ, въ которыхъ, повидимому, онъ считалъ виновникомъ себя, сильно повліяли на его душевное состояніе. Именно, около этихъ годовъ въ немъ замѣчается необыкновенное усиліе набожности: онъ удвоилъ льготы въ отношеніи къ церкви и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, сталъ заявлять себя христіаниномъ.—Но когда языческій историкъ съ событіемъ 326 года хочетъ связать начальный моментъ обращенія Константина въ христіанство, то онъ впадаетъ въ грубую хронологическую ошибку. Неподлежащіе ни малѣйшему сомнѣнію оффиціальныя документы, сохранившіеся въ церковной исторіи Евсевія, съ полной очевидностью удостовѣряютъ насъ, что сближеніе Константина произошло гораздо ранѣе 326 года, что, по крайней мѣрѣ начиная съ 313 года, онъ стоялъ въ союзѣ съ христіанскою церковью и дѣйствовалъ на пользу ея и что, слѣдовательно, первое сближеніе его съ христіанами совершилось ранѣе эпизода, передаваемого у Зосима. Это, впрочемъ, признаетъ и самъ Зосимъ: онъ свидѣтельствуетъ, что и ранѣе событія 326 года Константинъ держался религіи отцовъ только по необходимости и даже презиралъ древніе обряды.

Разсказъ Евсевія всѣмъ намъ хорошо знакомъ съ ранняго дѣтства ¹⁾. Вынужденный политическими обстоятель-

¹⁾ Eus., Vita Constantin., I, 27—31.

ствами выступить въ походъ на Максенція, захватившаго власть надъ Италіей и Римомъ,—въ походъ, который по человѣческимъ разсчетамъ обѣщаль мало хорошаго, — Константинъ пришелъ въ смущеніе на счетъ предстоявшаго ему дѣла и сталъ размышлять о томъ, какого бы бога призвать ему на помощь? Обдумывая этотъ вопросъ, Константинъ припомнилъ, что большинство прежнихъ государей, возлагавшихъ свою надежду на многихъ боговъ, были обманываемы льстивыми оракулами, обольщались ложными предсказаніями и оканчивали дѣло неблагопріятно, такъ что не осталось ни рода ихъ, ни племени, ни имени, ни памяти. Одинъ только отецъ его—Констанцій Хлоръ—шелъ противоположнымъ путемъ: чтя во всю свою жизнь единаго верховнаго Бога всяческихъ, онъ нашелъ въ Немъ своего руководителя, и Богъ давалъ ему поразительныя доказательства Своей силы. Сообразивъ все это, Константинъ началъ призывать этого Бога своего отца, просить Его, чтобы Онъ явилъ ему Себя и удостовѣрилъ въ Своей помощи. И вотъ, однажды послѣ полудня, когда солнце стало склоняться къ западу, царь собственными глазами увидѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: „симъ побѣждай“. Это зрѣлище объяло ужасомъ какъ его самого, такъ и все войско, которое, само не зная куда, шло за царемъ. „Не легко было бы повѣрить этому,—замѣчаетъ Евсеій,—если бы говорилъ кто—другой; но насъ съ клятвою увѣрялъ въ этомъ самъ побѣдоносный царь, когда, спустя долго послѣ того, мы писали настоящее сочиненіе и удостоились его знакомства и бесѣды“.—Однако, на первый разъ чудесное видѣніе ни мало не успокоило царя, а напротивъ подняло въ немъ новые тревожные вопросы о томъ, что могло бы оно значить? Въ ближайшую ночь,—продолжаетъ рассказывать Евсеій, Константинъ удостоился новаго откровенія; во снѣ къ нему явился Христосъ съ знаменіемъ, видѣннымъ на солнцѣ и повелѣлъ сдѣлать ему такое же воинское знамя, чтобы употреблять его противъ враговъ. Вставши на утро, Константинъ рассказалъ друзьямъ свою тайну и затѣмъ, призвавъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, описалъ имъ видъ явленнаго знаменія, поручивъ изготовить его въ точности. Это и есть знаменитый въ исторіи Константиновскаго дома и вообще въ исторіи византійскихъ императо-

ровъ—*Labarum*.—Происхожденіе и значеніе самого термина доселѣ вызываетъ споры; по болѣе вѣроятному объясненію оно заимствовано изъ языка кельтическаго племени Басковъ, жившаго въ Пиринейяхъ и частію въ Галліи и значить просто „знамя“¹⁾. Его внѣшнее устройство, какое далъ ему Константинъ, хорошо извѣстно. Евсевій видѣлъ его собственными глазами и оставилъ намъ подробное описаніе его. — Представьте себѣ довольно длинное копье, обложеное золотомъ, поперекъ котораго, ближе къ вершинѣ, придѣлана была рея или палка такъ, что вмѣстѣ съ копьемъ они образовывали форму продолговатаго четырехконечнаго креста. Съ поперечной рей спуускался квадратный, вышитый золотомъ и украшенный драгоценными камнями кусокъ матеріи, на которомъ помѣщались художественно-сдѣланныя изображенія Константина и его сыновей. Наконецъ—и самое важное—выше поперечника къ концу копья прибитъ золотой съ драгоценными камнями вѣнокъ, содержащій внутри себя или, точно говоря, окаймлявшій монограмму имени Христа. Монограмма слагалась изъ двухъ золотыхъ буквъ греческаго алфавита: χ и ρ ,—причемъ двѣ линіи, обозначающія χ , въ точкѣ пересѣченія имѣли основную линію буквы ρ такъ, что закругленіе послѣдней возвышалось надъ уровнемъ первой. Такой же монограммой Константинъ украсилъ, впоследствии, и свой шлемъ, а знамена—*labarum*—приказалъ устроить и носить при всѣхъ отрядахъ своихъ войскъ.

Въ церковно-исторической наукѣ, особенно протестантской, разсказъ Евсевія съ давнихъ поръ вызываетъ противъ себя рядъ серьезныхъ возраженій. Прежде всего, въ устахъ самого Евсевія онъ появляется слишкомъ поздно, чтобы съ научной правоспособностью засвидѣтельствовать такой необычайный фактъ, какъ явленіе креста на небѣ. Сочиненіе „О жизни Константина“, въ которомъ излагается этотъ разсказъ, написано было Евсевіемъ не ранѣе 337-го года, т. е.

¹⁾ Laven. Konstantin der Grosse und das Zeichen am Himmel. Trier, 1902. г. 20. 21.

цѣлую четверть вѣка спустя послѣ чудеснаго событія, между тѣмъ какъ въ болѣе раннемъ своемъ произведеніи „Церковной исторіи“ онъ еще ничего не знаетъ о немъ. Рассказывая здѣсь о походѣ Константина на Максенція и обращеніи его въ христіанство, Евсевій ограничивается простымъ сообщеніемъ, что Константинъ побѣдилъ Максенція съ помощію Божіею и что предъ началомъ битвы „онъ набожно взывалъ къ помощи Бога небеснаго и Сына Его Іисуса Христа (Н. Е. IX, 9)“,— и только... Какъ могло случиться, что епископъ виднѣйшей каѳедры Востока, спеціально притомъ занимавшійся изученіемъ дѣятельности Константина, обзору которой онъ посвящаетъ 9 и 10 главы своей исторіи, въ теченіе 25 лѣтъ ничего не зналъ о великомъ событіи, обусловившемъ побѣду христіанства надъ язычествомъ? Если явленіе креста, какъ передавалъ ему Константинъ, дѣйствительно произошло въ виду всего войска, если тайну ночнаго видѣнія самъ царь тотчасъ же повѣдалъ своимъ друзьямъ, то молва объ этихъ событіяхъ немедленно должна была облетѣть весь христіанскій міръ, уже тогда внимательно присматривавшійся къ Константину,—быстро достигнуть самыхъ отдаленныхъ уголковъ его. Такому епископу, какъ Евсевій Кесарійскій, жившему въ центрѣ христіанства, она не могла бы остаться неизвѣстной. Это недоумѣніе еще болѣе возрастаетъ въ своей силѣ, если принять во вниманіе, что, по заявленію самого Евсевія, Константинъ въ первый разъ сообщилъ ему о чудесномъ видѣніи креста только „спустя долгое время“ послѣ самаго событія и что до этого времени о немъ не знали не только самъ Евсевій, но и его греческіе современники. Ибо если бы оно извѣстно было тогдашнимъ христіанамъ, Евсевій не преминулъ бы сослаться на нихъ, да и торжественная клятва Константина, удостоверяющая событіе, была бы излишня. Далѣе. Анализируя рассказъ Евсевія въ его подробностяхъ, легко можно замѣтить въ немъ рядъ неясностей, недомолвокъ и даже противорѣчій, рождающихъ новыя сомнѣнія въ исторической цѣнности его сообщенія. Странно то, что Кесарійскій епископъ не знаетъ точно ни времени, ни мѣста, гдѣ произошло описываемое имъ событіе, хотя основывается на свидѣтельствѣ очевидца. Относительно времени, онъ довольствуется общими фразами о томъ, какъ Константинъ рѣшился начать походъ

противъ Максенція и сталъ раздумывать о томъ, какого бы бога призвать въ помощники себѣ; что же касается до мѣста событія, то у него нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ представлений о немъ. Повидимому оно произошло при лагерѣ Константина, такъ какъ свидѣтелемъ его было все войско, но о самомъ войскѣ Евсевій замѣчаетъ, что, объятае ужасомъ, оно слѣдовало само не зная куда. Затѣмъ и самое событіе излагается сбивчиво и туманно. Константинъ видитъ на небѣ *знаменіе креста*, съ тѣмъ же знаменіемъ является къ нему во снѣ и Христосъ, но, по разсказу Евсевія, на своемъ лабарумѣ и шлемѣ, а также на шлемахъ и знаменахъ своихъ войскъ онъ дѣлаетъ не изображеніе креста, какъ слѣдовало бы ожидать по содержанію явленія, а *монограмму* имени Христа. Откуда эта разница? не говоритъ ли она о томъ, что Евсевій самостоятельно распространяетъ сказанное ему Константиномъ, или что въ памяти самого Константина дивное событіе, пережитое въ тяжелыя минуты раздумья, съ теченіемъ времени обогатилось новыми подробностями, не имѣвшими фактическаго основанія? Столь же малопонятною является и та черта въ разсказѣ Евсевія, что Константинъ не довольствуется наиболѣе чудеснымъ видѣніемъ, дарованнымъ ему днемъ, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, съ яснымъ повелѣніемъ побѣждать своихъ враговъ при помощи явленнаго знамени, а ждетъ вторичнаго откровенія и удовлетворяется имъ, хотя оно получено во снѣ, т. е. въ условіяхъ гораздо менѣе необычныхъ и поразительныхъ. Но главный ударъ Кесарійскому историку наносятъ все-таки не эти внутреннія недочеты его собственнаго повѣствованія. Онъ имѣетъ опаснаго соперника въ другомъ христіанскомъ современникѣ Константина, извѣстномъ Лактанціи, который разсказываетъ о томъ же чудесномъ событіи въ жизни Константина, но передаетъ его значительно иначе. Лактанцій—не случайное какое-либо лицо въ вопросѣ о видѣніи Константина. Ученый риторъ, изъ язычества обратившійся въ христіанство и своими произведеніями стяжавшій славу христіанскаго Цицерона, Лактанцій быть можетъ въ 307 или 308 г. былъ призванъ Константиномъ къ себѣ, чтобы стать воспитателемъ старшаго, потомъ казненнаго, сына Криспа, и съ тѣхъ поръ находился при дворѣ Константина. Поэтому, Лактанцію скорѣе, чѣмъ кому-либо дру-

гому, должны были быть извѣстными чудесныя обстоятельства, сопровождавшія походъ на Максенція, и дѣйствительно, въ своемъ сочиненіи „О смерти гонителей“, написанномъ не позже 315 г., т.-е. самое большое года два спустя послѣ похода, онъ, описывая этотъ походъ, точно указываетъ время и мѣсто совершившихся здѣсь событій. Но онъ ничего не знаетъ о явленіи креста на солнцѣ. Все его извѣстіе сводится къ тому, что Константинъ, приблизившись къ Риму, не задолго до послѣдней битвы съ Максенціемъ, во время сна (*In quiete*), получилъ вразумленіе свѣта (*commonitus est*—былъ побужденъ) изобразить на щитахъ войска небесное знаменіе (*coeleste insignum*), которое состояло изъ монограммы имени Христа, и съ этимъ знаменіемъ побѣдилъ тирана ¹ Лактанцій такимъ образомъ подтверждаетъ лишь вторую половину разсказа Евсевія о ночномъ видѣніи, не возбуждающую никакого сомнѣнія. Но за то тѣмъ болѣе вѣсь пріобрѣтаетъ молчаніе его о первой, болѣе спорной, части разсказа касательно видѣнія на солнцѣ, потому что трудно допустить, чтобы столь необычайное событіе, случившееся въ виду всего войска, могло остаться неизвѣстнымъ ни самому Лактанцію, воспитателю дѣтей Константина, ни тѣмъ придворнымъ кружкамъ, въ которыхъ онъ вращался.

Прежде чѣмъ перейти къ критической оцѣнкѣ этихъ возраженій, предъявляемыхъ противъ Евсевія, не бесполезно будетъ, по нашему мнѣнію, сказать нѣсколько словъ о церковномъ значеніи его разсказа. Безспорно, что Евсевіева повѣсть о чудесномъ видѣніи креста, явленномъ Константину на солнцѣ, принадлежитъ къ числу наиболѣе драгоцѣнныхъ и возвышенныхъ преданій христіанской исторіи. На рубежѣ двухъ великихъ эпохъ преслѣдуемаго и торжествующаго надъ міромъ христіанства, она рисуетъ величественную картину, въ которой въ лицѣ императора весь языческій міръ, извѣрившійся въ своихъ боговъ, смиренно склоняется предъ силою доселѣ гонимаго христіанскаго Бога и въ чудесныхъ явленіяхъ обоготворяемой имъ природы получаетъ торжественное удостовѣреніе въ дѣйствительности Его всемогущества. Окончательное торжество христіанства, а равно и все дѣло.

¹) *Lact. De mort. persec.*, с. 44.

совершенное Константиномъ, оно ставитъ подъ непосредственное воздѣйствіе Божіе, внѣ естественныхъ причинъ и человѣческихъ дѣйствій.—Въ душѣ современниковъ Константина и ближайшихъ ему поколѣній, еще не забывшихъ о тяжкихъ страданіяхъ за вѣру, рассказъ Евсевія долженъ былъ будить много самыхъ радостныхъ и возвышенныхъ чувствъ: въ побѣдѣ Константина они переживали свои собственные побѣды, въ небесной помощи, оказанной ему, видѣли свою собственную помощь. Но и для болѣе позднѣйшихъ временъ онъ служилъ неизсякаемымъ источникомъ религіознаго восторга, являясь фактическимъ свидѣтельствомъ всепобѣждающей силы христіанства. Неудивительно, поэтому, что онъ скоро заставилъ забыть всѣ другія версіи рассказовъ объ обращеніи Константина и сдѣлался общепринятымъ и непререкаемымъ достояніемъ христіанскаго преданія.

Но этотъ общепризнанный авторитетъ за рассказомъ Евсевія установился не вдругъ. Въ IV и V вѣкахъ съ нимъ еще не связывали никакого мистическаго значенія, и если при изложеніи исторіи Константина любили обращаться къ нему, то видѣли въ немъ только достопамятное сказаніе, подлежащее, однако, законамъ исторической критики. На Западѣ редакція Евсевія осталась совершенно неизвѣстной; она здѣсь замѣнена была другою, совершенно независимой отъ Евсевія и Лактанція, версіей, господствовавшей въ теченіе всего средневѣковья и возникшей на почвѣ легендарныхъ сказаній о крещеніи Константина въ Римѣ папой Сильвестромъ. По этому теперь совсѣмъ забытому разсказу, Константинъ первоначально былъ гонителемъ христіанства; пораженный за это проказой, онъ подъ вліяніемъ слезныхъ просьбъ матери и семьи рѣшился на ужасное средство, которое посоветовали ему жрецы Капитолія,—искупаться въ крови новорожденныхъ дѣтей. Ночное видѣніе удержало его отъ этого преступленія: во снѣ ему явились апп. Петръ и Павелъ и въ христіанскомъ крещеніи указали спасительный путь очищенія отъ проказы. Тенденціозный характеръ римской легенды не нуждается въ доказательствахъ, но любопытно, что и на Востокѣ, гдѣ съ обращеніемъ Константина не связывали никакихъ мѣстныхъ интересовъ, рассказъ Евсевія не сразу устранилъ соперничавшія съ нимъ редакціи.

Въ 444 году окончилъ свою исторію константинопольскій схоластикъ Созоменъ; свой трудъ онъ посвятилъ царствовавшему тогда императору Теодосію Младшему и ничего не опустилъ, чтобы назидательностью своихъ повѣствованій стяжать милость благочестиваго царя. Разсказъ Евсевія о необычайномъ небесномъ покровительствѣ, явленномъ въ отношеніи къ великому предшественнику его, могъ бы хорошо служить этой цѣли: однако, историкъ нимало не старается придать ему исключительное значеніе. Сначала онъ сообщаетъ новую версію разсказа, что Константинъ видѣлъ крестное знаменіе во снѣ и что слова „симъ побѣдиши“ сказали ему ангелы, представшіе ему во время того же сна: эта версія, повидимому, представляется ему наиболѣе правдоподобной; затѣмъ онъ передаетъ разсказъ, близкій къ Лактанцію, хотя и не вполне сходный съ нимъ, и только теперь обращается къ Евсевію и кратко воспроизводитъ его повѣствованіе, ничѣмъ не выдѣляя его изъ ряда другихъ, сообщаемыхъ имъ версій¹⁾. Эта исторія Евсевіевой редакціи на Западѣ и на Востокѣ сама по себѣ уже показываетъ, что древняя церковь отнюдь не связывала съ ней, какого-либо непререкаемаго или каноническаго авторитета и представляла его на свободное усмотрѣніе cadaго. Намъ думается, что точка зрѣнія древней церкви, осуществленная въ исторіи Созомена, должна быть принята и современной церковно-исторической наукой при научномъ обсужденіи разсказа Евсевія. Возраженія, сдѣланныя противъ него, не могутъ и не должны быть а—priori отвергаемы только потому, что они идутъ главнымъ образомъ со стороны протестанства и направляются противъ крѣпко засѣвшаго въ умахъ историческаго преданія. Никто и ничто не пострадаетъ отъ того, если на основаніи точнаго научнаго анализа, не руководствуясь никакими сторонними тенденціями, извѣстіе напр. Лактанція или Созомена,—тоже христіанскихъ историковъ,—будетъ признано вѣроятнѣе разсказа Евсевія.

Но дѣйствительно ли обвиненія, предъявленныя противъ Евсевія, настолько вѣски, что въ силахъ поколебать всякую историческую достовѣрность его и въ тѣхъ подробностяхъ, какими онъ отличается отъ Лактанція, заставить насъ при-

¹⁾ Sozom., H. E. I. 3.

знать его чистымъ изобрѣтеніемъ фантазіи. Многое не позволяетъ отвѣчать на этотъ вопросъ рѣшительнымъ утвержденіемъ. Уже примѣняя одну только логическую мѣрку къ разбору возраженій, можно скоро замѣтить, что далеко не всѣ они такъ сильны, какъ это кажется на первый взглядъ. Исходнымъ пунктомъ для оцѣнки извѣстія Евсевія, какъ мы видѣли, служить фактъ его молчанія о чудесномъ явленіи въ своей церковной исторіи. Евсевій—говорятъ намъ—уже тогда необходимо долженъ былъ знать о чудесномъ событіи, если бы оно дѣйствительно произошло на глазахъ всего войска. Но доказана ли эта необходимость? Не только не доказана, но можно привести солидный рядъ соображеній, хорошо уясняющихъ, почему при написаніи своей церковной исторіи Евсевій не могъ получить точныхъ свѣдѣній о всемъ, совершившемся во время похода Константина на Максенція. Прежде всего, самъ Кесарійскій епископъ вовсе не утверждаетъ, что свидѣтелемъ чудеснаго явленія на небѣ была вся совокупность войска, слѣдовавшаго за Константиномъ въ Италію. Онъ выражается осторожно и употребляетъ не *στρατιά* или *στράτευμα*, что безспорно обозначало бы собой все войско, а *στρατιωτικὸν ἔλας*, т.-е. всѣ военные, а это въ узкомъ смыслѣ можетъ указывать только на начальниковъ войска, на ближайшую свиту или придворный штабъ, который не могъ быть многочисленнымъ ¹⁾. Съ другой стороны, изъ показаній языческаго историка Зосима извѣстно, что въ походъ на Римъ Константинъ взялъ съ собой не всѣ свои галльскія войска, а только одну $\frac{1}{4}$ ихъ ²⁾, оставивъ прочія части въ Галліи для защиты ея границъ отъ ожидаемаго вторженія германскихъ варваровъ. Изъ этой ¹⁾

¹⁾ Доводъ, заимствованный у проф. В. В. Болотова. Филологически онъ не совсемъ обоснованъ; см. Stephani, Thesaurus graecae linguae, t. VII; слова: *στράτευμα*, *στρατιά* и *στρατιωκός*; съ присоединеніемъ *ἔλας*, *στρατιωτικὸν* несомнѣнно равняются *στράτευμα*, но согласно общему употребленію слова *στρατιωτικός* предлагаемое толкованіе возможно. Мы намѣренно включаемъ въ свою статью все, что мы нашли у Болотова касательно нашего вопроса. Лекція его едвали увидятъ свѣтъ; между тѣмъ, въ нихъ много новыхъ соображеній и оригинальныхъ комбинацій; приведенныя свѣдѣнія хотя сколько-нибудь помогутъ охранить его обширныя познанія отъ полного забвенія.

²⁾ Zosim. cit. op: cp. Seeck. Geschichte d. Untergangs der antiken Welt, Berlin, 1897, I, 118.

галльскихъ воиновъ значительная часть погибла въ трудностяхъ похода и сраженіяхъ, а остальные, послѣ побѣды надъ Максенціемъ, были распущены по домамъ и возвратились снова въ галльскія захолустья. Почему не допустить, что ни одинъ изъ воиновъ, сопровождавшихъ Константина въ походъ, совсѣмъ и не появлялся въ Палестинѣ, гдѣ Евсевій писалъ свою исторію? Жителю Галліи, не говорившему по-гречески, едва-ли могла представиться какая-либо нужда быть на Востокѣ, который къ тому же находился тогда подъ властію нерасположеннаго къ Константину Максимиана. Отсюда видно, что молчанію Евсевія въ церковной исторіи придается совсѣмъ не принадлежащее ему значеніе; Евсевій молчалъ быть можетъ потому, что или онъ совсѣмъ не слышалъ ничего о чудесномъ явленіи или, если и слышалъ, то не могъ собрать надлежащихъ справокъ, писать же только по слухамъ о столь важномъ событіи онъ не рѣшался. Изъ этихъ условій хорошо объясняется и та, повидимому, неумѣстная клятва, которою Константинъ удостовѣрилъ свою исповѣдь предъ Евсевіемъ. По замѣчанію самого историка, царь разсказалъ ему о видѣнныхъ чудесныхъ явленіяхъ только спустя долгое время послѣ самыхъ событій, когда Евсевій стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, а это случилось послѣ того, какъ Константинъ, отстроивъ новую столицу на Босфорѣ, окончателно переселился на Востокъ: военачальники новыхъ восточныхъ легионовъ смѣнили теперь въ свитѣ царя прежнихъ галльскихъ воиновъ, участвовавшихъ въ походѣ на Максенція, и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, если Константинъ въ это время не могъ найти около себя ни одного соратника, который въ качествѣ очевидца могъ бы подтвердить Евсевію его слова. Но и помимо этого, не слѣдуетъ забывать, что въ разсказѣ Евсевія клятва Константина относится не къ одному видѣнію креста, но и къ тому откровенію, какое онъ получилъ во снѣ, а это ужъ такое событіе, которое можно удостовѣрить только клятвой, а не ссылкой на посторонняго свидѣтеля.

Обращаясь далѣе къ разсмотрѣнію тѣхъ внутреннихъ недочетовъ въ разсказѣ Евсевія, которые выставляются въ обличеніе его недостаточной освѣдомленности касательно описываемаго факта, мы и здѣсь можемъ достигнуть нѣкоторыхъ благоприятныхъ для Кесарійскаго историка резуль-

татовъ. Правда, эти недочеты не могутъ быть устранены никакими перетолкованіями, но можно указать рядъ уважительныхъ причинъ, объясняющихъ ихъ появленіе въ устахъ Евсевія, и этимъ самымъ ослабить ихъ критическое значеніе. При детальномъ обсужденіи извѣстія Евсевія необходимо помнить, что онъ передаетъ то, что лично сообщилъ ему императоръ въ одну изъ минутъ его полной откровенности, а императоръ не такой собесѣдникъ, котораго можно было бы спрашивать о всѣхъ любопытныхъ частностяхъ дѣла и съ которымъ вообще допустима была бы полная свобода въ бесѣдѣ. Польщенный довѣріемъ императора, Евсевій по необходимости долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, чѣмъ ограничился императоръ, и излагать полученное сообщеніе такъ, какъ онъ самъ его понялъ, не имѣя ни возможности, ни побужденій провѣрить его новыми распросами. Отсюда и нѣкоторые недочеты, наблюдаемые въ рассказѣ Евсевія, какъ напримѣръ отсутствіе точнаго указанія на мѣсто и время событія, слагаются съ историка сами собой; этихъ указаній у Евсевія нѣтъ, потому что императоръ ничего не сказалъ о нихъ. Но можно идти еще дальше; можно утверждать, что въ одномъ и притомъ самомъ важномъ пунктѣ Евсевій не понялъ императора, и его слова перетолковалъ по-своему. Уже при самомъ чтеніи повѣствованія Евсевіева о явленіи креста на небѣ и послѣдующихъ ему событіяхъ невольно обращаетъ на себя вниманіе та подозрительная близость, въ которой стоитъ описаніе лабарума съ рассказомъ о самомъ чудѣ. Оба эти совершенно различныхъ момента подъ перомъ историка сливаются въ одно неразрывное цѣлое, и это наглядно отражается на его языкѣ. Кесарійскій епископъ на всемъ протяженіи своей „Жизни Константина“ ни разу не называетъ *labarum*'а его собственнымъ именемъ: онъ вездѣ употребляетъ образныя выраженія, какъ напримѣръ: „спасительное знамя“, „знаменіе спасительнаго страданія“, „спасительное и животворящее знамя“, „знамя спасительной побѣды“ и эти своимъ искусственнымъ способомъ рѣчи вносятъ необыкновенную путаницу во все свое сочиненіе о Константинѣ ¹⁾. Лабарумъ самъ по себѣ, помимо

¹⁾ Это поразительно: буквально ни въ одномъ мѣстѣ Евсевій не называетъ лабарума его собственнымъ именемъ, а вездѣ описательнымъ. Вотъ

названія, даннаго ему Константиномъ, отнюдь не представлять собой чего-либо новаго. Онъ былъ точной копіей тѣхъ знаменъ, какія были введены римскими императорами гораздо раньше его. Какъ и лабарумъ, эти знамена имѣли видъ длиннаго стержня съ поперечной короткой перекладиной, къ которой иногда привѣшивался платъ съ различными изображеніями. Наверху стержня, на срединѣ между перекладиной и оконечностію, помѣщались изображенія пшеница, подъ покровительство котораго ставили себя войска, на примѣръ: орла, полумѣсяца и т. д. ¹⁾—словомъ, точь въ точь, какъ и на лабарумѣ. Еще ранѣе Евсевія нѣкоторые христіанскіе писатели усматривали въ знаменахъ римскихъ

всѣ относящіяся сюда цитаты: „этимъ спасительнымъ знаменемъ (V. С. I, 31)“, „побѣдную хоругвь съ спасительнымъ знаменемъ (I, 37)“, „спасительное знамя (I, 40—два раза)“, „священная хоругвь (I, 40)“, „знаменіе спасительнаго страданія (II, 4)“, „спасительное знамя (II, 6 и 7)“, „спасительная хоругвь (II, 9 и 16)“, „спасительное и животворящее знамя (II, 16)“, „спасительное знамя (III, 3)“, „побѣдное знамя (IV, 5)“, „знаменіе спасительной побѣды (IV, 21)“. Связь рѣчи показываетъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно разумѣть лабарумъ, а не крестъ. Понятно, какая отсюда возникаетъ путаница для читателя, не давашаго себѣ отчета въ этомъ оригинальномъ способѣ выраженія Евсевія. Напр., большинство историковъ съ большимъ недоумѣніемъ относятся къ извѣстію Евсевія, что Константинъ тотчасъ послѣ побѣды надъ Максентіемъ поставилъ въ Римѣ свою статую съ „крестомъ“ (у Евсевія: „священная хоругвь“, V. С. I, 40) въ рукахъ. И дѣйствительно, невозможно допустить, чтобы Константинъ, обладавшій тогда незначительной частью имперіи, осмѣлился на такой безразсудный поступокъ, какъ поставить крестъ, символъ проклятія и позорнѣйшей казни, въ центрѣ язычества. „Самое имя креста,—говоритъ Циперомъ,—да будетъ далеко не только отъ тѣла римскихъ гражданъ, но отъ мысли, слуха зрѣнія, („*pomen ipsum crucis absit non modo a corpore civium romanum, sed etiam a cogitatione, oculis, auribus*;—*pro Rabirio*, с. 5). Христіане первыхъ трехъ вѣковъ хорошо знали это презрѣніе римлянъ къ кресту, и хотя не скрывали отъ нихъ своего почитанія креста, но избѣгали дѣлать точныя изображенія его. Такъ, въ катакомбахъ крестъ встрѣчается не иначе, какъ подъ видомъ разныхъ символовъ: якоря, фигуры молящагося человѣка съ распростертыми руками, птицы, поднимающей къ небу и растягивающей свои крылья на подобіе креста и т. п. (См. Münter. *Sinbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen*, Altona, 1825).—Конечно, въ извѣстіи Евсевія разумѣется не крестъ, а лабарумъ.

¹⁾ Laven. *Konstantin der Grosse und das Zeichen am Himmel*. Trier, 1902, s. 7. Форма знаменъ языческихъ императоровъ часто встрѣчается на монетахъ.

легионовъ подобіе креста. „Что представляютъ собой ваши знамена, штандарты, хоругви, какъ не позолоченные и украшенные кресты?“—спрашиваетъ Минуцій Феликсъ ¹⁾. „Покрывала знаменъ,—замѣчаетъ Тертуллианъ ²⁾,—суть одежды креста“. Ошибка Евсевія состояла въ томъ, что онъ не только усмотрѣлъ въ лабарумѣ подобіе креста, но прямо отождествилъ его съ крестомъ, и это оказало важное вліяніе на весь рассказъ его о знаменіи на солнцѣ. Вѣроятно, Константинъ, отмѣчая въ бесѣдѣ съ Евсевіемъ явленное ему чудопотребилъ какое-нибудь образное выраженіе,—всего скорѣе именно: „спасительное знамя“, какъ онъ дѣйствительно и назвалъ лабарумъ въ надписи на статуѣ, воздвигнутой имъ въ Римѣ послѣ побѣды надъ Максенціемъ,—Евсевій же отнесъ эту фразу къ самому явленію и то, что видѣлъ въ лабарумѣ, помѣстилъ на солнцѣ ³⁾, и такимъ образомъ вмѣсто монограммы у него появилось „знаменіе креста“.

Это ошибка важная, но разъ она понята и объяснена, она уже не можетъ служить возраженіемъ противъ его рассказа. Еще менѣе можно обличать Евсевія на основаніи, что онъ безъ нужды удволяетъ чудо, заставляя ждать Константина особаго откровенія ночью, чтобы исполнить ясное повелѣніе, полученное въ видѣніи на солнцѣ. Тутъ умѣстнѣе иного рода сужденіе. Еще французскій историкъ эпохи Константина, Гастонъ Буассе заявлялъ, что въ этомъ своеобразномъ способѣ изложенія чуда онъ видитъ не возраженіе противъ Евсевія, а скорѣе доказательство того, что авторомъ рассказа

¹⁾ Minuc. Fel., Octav. c. 29.

²⁾ Tertullian, Apol., c. 16; ср. Justin, Apol. 1, 55.

³⁾ Это съ очевидностію открывается изъ собственныхъ словъ Евсевія: „вставъ вмѣстѣ съ наступленіемъ дня (послѣ ночнаго видѣнія),—пишетъ онъ,—Константинъ рассказалъ свою тайну друзьямъ и потомъ, созвавъ мастеровъ, умѣвшихъ обращаться съ золотомъ и драгоценными камнями, сѣлъ между ними и описавъ имъ образъ знамени (т. е. видѣнаго на солнцѣ и во снѣ), приказалъ сдѣлать по подобію его такое же изъ золота и драгоценныхъ камней. Это знамя иѣкогда случалось видѣть намъ. Оно имѣло слѣдующій видъ... и далѣе идетъ описаніе лабарума. Ясно, что подъ именемъ знамени креста (*σταυροῦ τροπαίου*—V. С. 1, 31; *τροπαίου*, а не *τύλου*—очертаніе), лежавшаго на солнцѣ Евсевій описываетъ ничто иное, какъ лабарумъ, обозначаемый имъ, какъ мы сейчасъ указывали, и въ другихъ мѣстахъ его сочиненія, фигуральными терминами.

ни въ какомъ случаѣ не могъ быть христіанскій епископъ. Христіанинъ, по существу своихъ религіозныхъ воззрѣній, охотнѣе довѣряется божественному внушенію; для него совершенно достаточно было бы такого необычайнаго откровенія, какъ явленіе знаменія на солнцѣ, и если бы разсказъ о знаменіи придумалъ Евсевій, то онъ не присоединилъ бы ничего большаго. Но язычникъ по природѣ недовѣрчивъ: онъ требуетъ ясныхъ и вещественныхъ доказательствъ вмѣшательства Божества и не скоро удовлетворяется. По свидѣтельству языческаго писателя Сервія, римляне никогда не довольствовались первыми ауспиціями и прежде чѣмъ рѣшиться на дѣло, ждали, чтобы они подтвердились другими. Анхизъ въ Энеидѣ, только что видѣвшій, какъ пламя охватило голову Асканія, не зажигая волосъ, не сразу довѣряетъ этому необычайному знаменію, но проситъ Юпитера подтвердить его, и Юпитеръ отвѣчаетъ громомъ¹⁾. Въ положеніи Константина эта нерѣшительность и желаніе получить новое подтвержденіе тѣмъ болѣе понятна, что ему приходилось дѣлать исключительно важное рѣшеніе—выбирать между старой религіей, за которой стояло все прошлое Рима, и презираемымъ доселѣ Богомъ христіанскимъ. Значитъ, и здѣсь у Евсевія все обстоитъ благополучно.

Чтобы покончить съ Евсевіемъ, намъ остается выяснитъ отношеніе къ нему Лактанція. Какъ ни сильно бьетъ Евсевія аргументъ, заимствуемый изъ Лактанція, онъ все же недостаточенъ для того, чтобы въ тѣхъ частяхъ, въ какихъ Кесарійскій епископъ отличается отъ него, лишитъ его всякаго значенія. Чтобы измѣрить его научный вѣсъ, намъ необходимо войти въ нѣкоторые спеціальные вопросы касательно сочиненія „О смерти гонителей“ и самого Лактанція. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что сочиненіе „О смерти гонителей“, въ которомъ содержится извѣстіе о ночномъ откровеніи Константину, вовсе не представляетъ собой такого научнаго факта, на который можно было бы опираться безъ всякихъ предварительныхъ оговорокъ. Въ наукѣ еще доселѣ

¹⁾ Гастонъ Буассе. Паденіе язычества. Москва. 1892, стр. 19. 20. Въ-сто того, чтобы сослаться на Энеиду. Буассе могъ бы привести болѣе идущій къ дѣлу примѣръ изъ жизни самого Константина, о чемъ рѣчь ниже.

окончательно нерѣшенъ кардинальный въ данномъ случаѣ вопросъ, принадлежитъ-ли это сочиненіе дѣйствительно Лактанцію, или оно есть произведеніе неизвѣстнаго писателя? Не такъ давно, именно въ 1869 — 1891 гг. гейдельбергскій ученый Брандтъ въ рядѣ статей, посвященныхъ Лактанцію, массою аргументовъ доказывалъ, что этотъ писатель никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ авторомъ сочиненія „О смерти гонителей“, и отрицательный выводъ Брандта на этотъ разъ съ поразительной скоростью усвоенъ былъ русской церковно-исторической литературой въ докторской диссертации проф. Садова о Лактанціи, напечатанной въ 1895 г. ¹⁾ Но годъ изданія проф. Садовымъ своей диссертации былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ поворота ученыхъ мнѣній въ обратную сторону. Уже въ своемъ отзывѣ о книгѣ Садова покойный пр. Болотовъ, можно сказать, блистательно защитилъ авторскія права Лактанція ²⁾. На Западѣ на сторону Лактанція встали такія ученныя силы, какъ Зеекъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ эпохи Константина въ настоящее время ³⁾, Прэйшенъ ⁴⁾ и Пишонъ,— послѣдній въ недавно изданномъ обширномъ изслѣдованіи о Лактанціи ⁵⁾,— короче, всѣ ученые, которые имѣли случай коснуться дѣятельности этого писателя. Однако и признавая, что сочиненіе „О смерти гонителей“ принадлежитъ Лактанцію, мы не освобождаемся отъ всѣхъ затрудненій, связанныхъ съ его извѣстіемъ. Дѣло въ томъ, что въ наукѣ не вполне извѣстно, гдѣ находился Лактанцій, когда писалъ свое сочиненіе. По вычисленіямъ Брандта, онъ еще въ 307 или въ 308 году былъ вызванъ въ Триръ Константиномъ для воспитанія своего сына Криспа и въ такомъ случаѣ долженъ былъ составить этотъ трудъ, живя при дворѣ. Но вычисленія Брандта, опирающіяся на однихъ

¹⁾ А. И. Садовъ. Древне-христіанскій писатель Лактанцій. С-Петербургъ. 1895.

²⁾ См. Отзывъ профессора В. В. Болотова о сочиненіи профессора А. И. Садова (Протоколы Совѣта С-Петербургской дух. Ак. за 1895—1896). Отд. отт. 1896.

³⁾ Seeck. Geschichte d. Untergangs d. antik. Welt. Anhang zum ersten Band, Berlin, 1898, ss. 456—400.

⁴⁾ Preuschen, Real-Encyclopadie, 3 Aufl., t. XI.

⁵⁾ René Pichon. Lactance. Etude sur le mouvement philosophique et religieux sous le regne de Constantin. Paris, 1901.

теоретическихъ соображеніяхъ о томъ возрастѣ, въ какомъ вообще знатные римляне начинали обучать своихъ дѣтей риторикѣ ¹⁾, соображеніяхъ очень шаткихъ, теперь всѣми оставлены. Однако и послѣ этого главный вопросъ о времени написанія сочиненія „О смерти гонителей“, нимало не подвинулся впередъ. Здѣсь все зависитъ отъ рѣшенія другого спорнаго пункта: когда умеръ Діоклитіанъ въ 313 или 315 году? Въ первомъ случаѣ Лактанцій долженъ былъ составить свое сочиненіе въ бытность свою на Востокѣ, въ Никомидіи, а находясь въ Никомидіи, онъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи ни чуть не болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ Евсевій, бесѣдовавшій съ самимъ Константиномъ: во второмъ случаѣ—онъ писалъ свое сочиненіе, состоя уже воспитателемъ Креста, и его свидѣтельство должно имѣть самостоятельное значеніе.

Итакъ, что же получается въ концѣ концовъ изъ разбора возраженій противъ Евсевія? По нашему мнѣнію, получается одинъ довольно прочный результатъ. Эти возраженія еще нимало не роняютъ честь Евсевія, какъ историка, и сами по себѣ недостаточны для того, чтобы на основаніи ихъ рассказъ его о видѣннн слѣдовало признавать собственной выдумкой самого Кесарійскаго епископа. Напротивъ, все говоритъ за то, что Евсевій только передалъ то, что сообщилъ ему Константинъ, и если въ чемъ-нибудь погрѣшилъ, то лишь въ томъ, что неполнѣ понялъ нѣкоторыя части его рассказа и внесъ сбивчивость въ свое извѣстіе. Но если это такъ, если дѣйствительно Евсевій излагаетъ только то, что сообщилъ ему Константинъ, то ясно, что весь вопросъ о передаваемомъ имъ событіи сводится въ сущности къ тому вопросу: насколько правильно самъ Константинъ воспроизвелъ совершившееся съ нимъ событіе? не привнесъ ли онъ въ него, даже безсознательно для себя, какихъ-либо новыхъ подробностей, спустя долгое время рассказывая о нихъ Евсевію? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно сказать лишь слѣдующее: уже самая постановка вопроса показываетъ, что онъ не только не можетъ быть рѣшенъ наукой, но и вообще стоитъ внѣ предѣловъ ея компетенціи. Наука не имѣетъ средствъ проконтролировать сообщеніе Константина по не-

¹⁾ См. отзывъ Болотова, стр. 165 см.

зависимымъ отъ него источникамъ; здѣсь нѣтъ даже узаконенныхъ двухъ свидѣтелей, при которыхъ, по слову Библіи, станеть всякъ глаголь, а есть только одинъ свидѣтель, или точнѣе самосвидѣтель, которому можно довѣрять или не довѣрять. Но довѣріе или недовѣріе—это ужь сфера личныхъ человѣческихъ отношеній, а не область научнаго изслѣдованія, которое должно и доказывать и отвергать, опираясь на объективныя, всѣмъ очевидныя, принудительныя данныя.

Становясь на почву научную, можно утверждать лишь слѣдующее: въ 312 г., во время похода на Максенція, предъ окончательной битвой за обладаніе Рима, съ Константиномъ произошло таинственное событіе—одно изъ тѣхъ событій, которыя способны производить глубочайшіе перевороты въ душѣ человѣческой ¹⁾. Значеніе его состояло въ томъ, что оно побудило Константина поставить себя подъ знамя монограммы Христа и такимъ образомъ сдѣлаться поклонникомъ христіанскаго Бога. Но въ какой формѣ совершилось это событіе: въ ночномъ ли только видѣніи, какъ рассказываетъ Лактанцій, или, какъ утверждалъ Константинъ Евсевію, ему предшествовало болѣе дивное явленіе знаменія на солнцѣ, въ чемъ бы ни состояла его объективная сторона—это вопросъ, на который дать отвѣтъ наука, при наличномъ состояніи свѣдѣній, некомпетентна. Привлекательное по своей простотѣ извѣстіе Лактанція и величественный рассказъ Евсевія, за которыхъ стоитъ авторитетъ очевидца Константина,—оба имѣютъ одинаковое право на признаніе, и нельзя указать твердыхъ основаній въ пользу исключительнаго предпочтенія того или другого. Да это и не нужно ни въ интересахъ вѣры, ни въ интересахъ науки; для вѣрующаго человѣка достаточно знать, что такое великое въ исторіи христіанства событіе, какъ обращеніе Константина, совершилось при особенныхъ обстоятельствахъ,—такихъ обстоятельствахъ,

¹⁾ Въ концѣ концовъ этотъ только моментъ и остается прочно засвидѣтельствованнымъ въ источникахъ. Въ рѣчи, написанной къ обществу святыхъ, самъ Константинъ заявляетъ, что „началомъ его служенія было внушеніе Божіе (*ἐξ ἐπινοίας τοῦ Θεοῦ τὴν ἀρχὴν ἔχουσιν*—Heikel, cit. edit., p. 192)“... и только... При противорѣчій древнихъ свѣдѣтельствъ, при недоразумѣвіи, допущенномъ Евсевіемъ, это заявленіе самого Константина должно имѣть рѣшающее значеніе.

въ которыхъ вѣрующему оку наиболѣе ясно проявляется руководящая историческими судьбами человѣчества высшая воля. Что же касается до исторической науки, то для нея не имѣетъ значенія ни вопросъ объ объективности явленія, ни внѣшняя форма его; для нея важно лишь то субъективное впечатлѣнiе, какое оно произвело въ душѣ Константина и котораго вполне достаточно, чтобы пролить свѣтъ на эту замѣчательную страницу въ исторiи христіанства.

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО ВЪ ХРИСТИАНСТВО ¹⁾.

III.

Константинъ (288—337), можно сказать, выросъ въ кругу христіанства. Его отецъ, Констанцій Хлоръ, принадлежалъ къ числу тѣхъ многихъ людей того времени, которые, стоя по своему умственному развитію выше крайностей грубаго паганизма, удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей искали въ своеобразномъ монотеистическомъ міросозерцаніи, выработанномъ подъ вліяніемъ восточныхъ религіи и неоплатонизма и легко уживавшихся какъ съ національной религіей, такъ и съ христіанствомъ. При дворѣ Констанція было не мало христіанъ; они не только пользовались полной религіозной свободой, но, если вѣрить Евсевію, имѣли здѣсь своихъ „служителей“ т.-е. пресвитеровъ и открыто совершали богослуженіе ²⁾. Его дочь отъ втораго брака носила христіанское имя Анастасіи ³⁾, и есть основанія предполагать, что и мать ея, вторая жена Констанція Теодора, была христіанкой ⁴⁾. Взятый еще въ отроческихъ лѣтахъ въ ка-

1) Окончаніе. См. декабрьскую кн. Богословскаго Вѣстника.

2) V. C., I, 13. 17.

3) Schultze, Real-Encycl., 3 Aufl., art: Konstantin, X, 758.

4) Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся до нашего времени монета, на лицевой сторонѣ которой помѣщенъ бюстъ женщины съ надписью: fl. max. Theodora Aug., а на оборотной находится изображеніе благочестія въ видѣ женщины, держащей на рукахъ младенца, рядомъ на полѣ четырехконечный крестъ; надпись: pietas romana (См. Madden, Christian Emblems etc., описаніе монеты, стр. 70; снимокъ, pl. 2, № 12). Монета отлита была въ 338 г. послѣ смерти Теодоры и сама по себѣ не свидѣтельствуетъ о томъ, что около 306 года она была уже христіанкой.

чествѣ заложника ко двору Діоклитіана, Константинъ и здѣсь дышалъ той же насыщенной христіанствомъ атмосферой, къ какой онъ привыкъ у себя дома. Приступая къ разсказу о царствованіи этого императора, Евсеій не находитъ словъ, чтобы въ должной мѣрѣ изобразить то благоденствіе, какимъ наслаждались христіане въ первые 20-ть лѣтъ его правленія. „О, сколь великимъ благоговѣніемъ и вниманіемъ и дружескимъ обращеніемъ пользовались правители каждой церкви у всѣхъ префектовъ и консуловъ! Кто опишетъ эти многочисленныя обращенія ко Христу, эти многолюдныя собранія въ каждомъ городѣ и стеченія въ молитвенныхъ домахъ?... А что сказать о царскихъ придворныхъ, что о начальствовавшихъ надъ всѣми правителяхъ? Домашнимъ, женамъ, дѣтямъ (?) и слугамъ они попускали открыто и свободно слѣдовать слову и христіанской жизни, едва не дозволяли имъ хвалиться дерзновеніемъ въ вѣрѣ и считали ихъ болѣе достойными любви, чѣмъ остальныхъ сослужителей“¹⁾. И дѣйствительно въ своей собственной семьѣ Діоклитіанъ терпѣлъ двухъ христіанокъ — жену Валерію и дочь Приску²⁾, а въ числѣ его придворныхъ было много высокопоставленныхъ христіанъ, имена которыхъ сохранились отчасти у Евсеія, отчасти въ мученическихъ актахъ. Находясь при дворѣ Діоклитіана, Константинъ лично наблюдалъ это торжество христіанства на Востокѣ; онъ могъ видѣть и эти „многочисленныя обращенія ко Христу“ и эти „многолюдныя собранія въ каждомъ городѣ“, о которыхъ говоритъ Евсеій, когда, сопровождая императора, онъ вмѣстѣ съ нимъ объѣзжалъ Палестину и мало-азійскіе города³⁾. Но онъ долженъ былъ здѣсь же пережить и ту радикальную перемѣну, какая на-

---

но дѣлаетъ это весьма вѣроятнымъ при сопоставленіи съ извѣстіемъ Евсеія, что Констанцій „весь свой домъ вмѣстѣ съ дѣтьми и женой... посвящалъ одному Богу“ (V. С., 1, 17).

¹⁾ Euseb. Hist. eccl. VIII, 1.

²⁾ Lactantius, De. mort. persec., с. 15.

³⁾ Euseb., V. С. I, 19. Евсеій, видѣвшій его тогда лично, такъ описываетъ его внѣшній видъ: „стоя съ правой стороны царя, людямъ, желавшимъ видѣть его, онъ казался величественнымъ... По красотѣ тѣла и высотѣ роста не было подобнаго ему, а тѣлесной силой онъ настолько превосходилъ сверстниковъ, что они боялись его“. Это свидѣтельство Евсеія подтверждается статуями Константина, сохранившимися до нашего времени (см. рисунки у Duruy, Histoire des Romains, t. VII).

стала въ отношеніи „начальствовавшихъ надъ всѣми правителей“ къ христіанамъ въ концѣ царствованія Діоклитіана. Какъ извѣстно, первый ударъ гоненія на христіанъ,—гоненія ужаснѣйшаго и кровопролитнѣйшаго, о какомъ только знаетъ исторія церкви,—объявленнаго эдиктами 303—305 гг., палъ на дворъ Діоклитіана; Валерія и Приска должны были принести жертву богамъ ¹⁾, рядъ выдающихся придворныхъ христіанъ, вчера только пользовавшихся огромнымъ вліяніемъ и всеобщимъ уваженіемъ, сегодня подвергнутъ былъ самымъ безчеловѣчнымъ истязаніямъ, производившимся въ присутствіи самого государя ²⁾. Глубокое впечатлѣніе произвели на Константина эти сцены грубаго издѣвательства надъ человѣческой личностью и навсегда поселили въ душѣ его отвращеніе къ насильственнымъ мѣрамъ въ дѣлахъ религіи. „Я чуждался бывшихъ предъ этимъ самодержцевъ,—вспоминалъ въ послѣдствіи Константинъ,—потому что видѣлъ дикость ихъ права“ ³⁾, и когда, по смерти своего отца, сдѣлался правителемъ Галліи, Испаніи и Британіи, получивши званіе Августа, по словамъ Лактанція первымъ дѣломъ своимъ почелъ дозволить христіанамъ свободное отправленіе своей религіи ⁴⁾.

Казалось бы, это близкое знакомство Константина съ христіанами, эти непосредственныя впечатлѣнія, полученныя имъ въ домѣ отца и при дворѣ Діоклитіана, сами по себѣ должны были бы расположить его въ пользу христіанства, что Константинъ придетъ къ христіанской религіи путемъ внутренняго развитія, безъ всякихъ стороннихъ побужденій и внѣшней помощи. На дѣлѣ, однако, случилось иное. О религіозныхъ воззрѣніяхъ Константина, до обращенія его въ христіанство, мы обучены хорошо, но чтобы понять ихъ характеръ и ближе войти въ тѣ историческія условія, при которыхъ состоялся переходъ его въ христіанство, намъ нужно сдѣлать небольшую экскурсію въ область религіозныхъ вѣрованій и чувствованій, наполнявшихъ лучшихъ людей того времени,—тѣмъ болѣе, что эта экскурсію, не ли-

¹⁾ Lactantius, *ibid.*

²⁾ Euseb., *Hiss. eccl.* VIII, 6.

³⁾ Euseb. V. C. II, 49.

⁴⁾ Lactantius, *De mort. persec.*, c. 24.

шенная интереса и сама по себѣ, поможетъ намъ объяснить нѣкоторыя важныя стороны въ занимающемъ насъ главномъ вопросѣ.—Послѣдняя эпоха греко-римской цивилизаціи, обнимающая собой первые три вѣка христіанской эры, какъ извѣстно, характеризуется упадкомъ и разложеніемъ всѣхъ основъ и устоевъ, какими питалась политическая и общественная жизнь классическаго міра. Римъ осуществилъ свою историческую миссію и соединилъ подъ своей властью всѣ культурные народы древности, но этотъ внѣшній успѣхъ для отдѣльныхъ народовъ купленъ былъ дорогой цѣной потери національности и политической самостоятельности и не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ. Съ перваго же вѣка имперіи со всѣхъ сторонъ надвинулись на нее варвары и все дальше и дальше заходили въ глубь ея; содержаніе двора, арміи и администраціи требовало громадныхъ расходовъ и тяжело отражалось на благосостояніи гражданъ. Древнія республиканскія учрежденія были подавлены произволомъ императорскаго трона, а на этотъ тронъ восходили или Нероны и Калигулы, представлявшіе собой каррикатуры на человѣчество, или деспоты, лившіе потоки человѣческой крови. Жизнь мало-по-малу теряла всякое идеальное содержаніе; чувствовалось, что лучшія времена отошли въ область старины глубокой, что періодъ гражданской доблести прожитъ и что отъ настоящаго ждать нечего. Не видя ничего отраднаго въ наличномъ положеніи вещей, не питая никакихъ надеждъ и на будущее, человѣкъ въ такія эпохи обыкновенно сосредоточивается на самомъ себѣ; въ такія минуты съ особенной назойливостью встаетъ предъ нимъ вѣчный вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни, и отвѣта на него онъ ищетъ не здѣсь, на землѣ, не въ обычной своей обстановкѣ, которая не представляетъ для него ничего цѣннаго, а выше земли—въ области религіи. Религіозное одушевленіе охватываетъ все языческое общество 2-го и 3-го вѣка, нарождаются идеи, о которыхъ совсѣмъ не знала классическая древность, образуется особое міросозерцаніе, ни на что прежнее не похожее. Характерныя черты этого новаго религіознаго возбужденія въ язычествѣ вкратцѣ можно выразить такъ: а) болѣе или менѣе ясное предпочтеніе духа передъ тѣломъ, соединенное съ смутными мыслями, что духъ исшелъ изъ другого высшаго міра и носить въ себѣ частицы вѣчной

жизни и, какъ прямое слѣдствіе этого, уничтоженіе міра, сознаніе, что онъ возникъ по ошибкѣ, есть темница для духа или мѣсто для его испытанія; б) убѣжденіе, что связь духа съ плотью, этой „запятнанной одеждой“ порочить духъ и вытекающее отсюда исканіе спасенія, какъ освобожденія отъ міра и плоти и обезпеченія блаженной жизни за гробомъ; в) болѣе или менѣе общераспространенная вѣра, что это спасеніе уже существуетъ, что оно состоитъ въ познаніи истиннаго пути къ Богу, соединеннаго съ особыми посвященіями или таинствами, которыя даютъ духу силы превозмочь надъ плотью, посредствомъ мистическаго восторга освобождаютъ его изъ узъ плоти и грѣха и дѣлаютъ его причастнымъ Божества 1).

Какъ бы въ прямой отвѣтъ на эти новыя стремленія, возникшія въ языческомъ обществѣ 2-го и 3-го вѣка явилось наблюдавшее въ эту эпоху необыкновенное распространеніе восточныхъ культовъ на почвѣ Греціи и Рима. Неизвѣстные дотолѣ, восточные культы теперь широкимъ потокомъ разливаются по римской имперіи и своимъ острымъ, восточнымъ обаяніемъ производятъ чарующее впечатлѣніе на опустошенную душу грека и римлянина. Оффициальная религія ничего не требовала отъ своихъ поклонниковъ, кромѣ жертвъ, предоставляя каждому думать о богахъ, что угодно: она преслѣдовала исключительно государственную пользу и ей не было никакого дѣла до религіознаго состоянія ея почитателей 2). Новыя восточныя божества выступаютъ со-

1) См. краткій и превосходный очеркъ такъ наз. „оріентализма“ у Гарнака въ его цитованномъ уже изслѣдованіи „Die Mission und Ausbreitung d. Christ.“, ss. 16—24. Вопросъ объ этихъ новыхъ религіозныхъ настроеніяхъ въ области язычества (котораго мы касаемся лишь кратко) хорошо обслѣдованъ въ западной литературѣ (Hausrath, Friedländer, Allard и др.). Въ русскомъ переводѣ имѣются два лучшихъ по этому вопросу труда: Буасье, Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Москва, 1878, и Ревилля, Религія въ Римѣ при Северахъ. Москва, 1898 (къ сожалѣнію, испорченное цензурой).

2) Еще императоръ Тиверій по одному случаю сказалъ: *deorum injuriae diis curae*, т. е. пусть боги сами заботятся объ обидахъ, наносимыхъ имъ убѣжденіями или словами частныхъ, и этотъ принципъ твердо охранялся римскимъ государствомъ во все время, пока существовала національная религія. Отъ своихъ подданныхъ Римъ требовалъ не *вѣры* въ національныхъ боговъ, а жертвы имъ, участія въ установленныхъ государ-

всѣмъ съ иными притязаніями; они не имѣютъ никакой связи ни съ государствомъ, ни съ національностью; ихъ единственная цѣль—религіозная личность человѣка, ея сомнѣнія, колебанія, паденія и помощь имъ; ихъ жрецы не обладаютъ никакими оффиціальными полномочіями, они часто бѣдны, носятъ плохія одежды и едва добываютъ себѣ средства для пропитанія, но за то они владѣютъ тайной, открывающей людямъ путь къ познанію религіозной истины,—той тайной, о которой вздыхало тогдашнее язычество,—и эту тайну сообщаютъ не всѣмъ, но только достойнымъ. Не жертвы, ни пустого формальнаго обряда требуютъ они, но внутренняго усовершенствованія, моральныхъ подвиговъ, готовности къ самопожертвованію и испытаніямъ, т.-е. въ нѣкоторомъ смыслѣ аскетизма. Необходимыми атрибутами всѣхъ этихъ культовъ являются таинственныя посвященія, непонятныя, идущія изъ глубокой древности формулы, заговоры и заклинанія, очищенія, достигаемыя посредствомъ крещенія водой или обливанія кровью быка или барана, особыя священныя одежды или знаки, раздѣленіе на посвященныхъ, обладающихъ всею полнотою таинственнаго знанія, и приготавливаемыхъ или оглашаемыхъ. Всмотриваясь въ внѣшнюю сторону этихъ культовъ, историкъ часто поражается обиліемъ въ нихъ самыхъ грубыхъ суевѣрій, внѣшнею бессмысленностью формулъ, искусственнымъ награжденіемъ разнаго рода приемовъ, рассчитанныхъ на то, чтобы воздѣйствовать на фантазію человѣка и завладѣть его душой, но болѣе внимательное изученіе приводитъ его къ убѣжденію, что подъ этой грубой скорлупой скрываются глубокія идеи, что ядро, заключенное въ эту неприглядную оболочку, содержитъ въ себѣ здоровую пищу. Всѣ эти таинственные обряды, тавроболіи и кріоболіи, поражающія воображеніе, полныя мистическаго символизма испытанія и пр. направлены къ тому, чтобы оживить въ погрязшей въ суетѣ душѣ человѣка высшія стремленія, создать для нея

ствомъ церемоніяхъ, такъ какъ это обезпечивало благоволеніе боговъ къ государству и прочность государственнаго порядка. Христіанскіе апологеты могли что угодно писать о богахъ, и они дѣйствительно издѣвались надъ ними,—за это никто ихъ не преслѣдовалъ. Но раазъ христіанинъ былъ привлеченъ къ жертвеннику, ему оставалось одно—жертвовать или умирать.

возможность пережить минуты религіознаго восторга и въ немъ, этомъ восторгѣ, почувствовать высшую силу, дающую душѣ опору и успокоеніе въ этой и будущей жизни. Въ торжественные праздники въ честь Сирійской богини Цибеллы, Великой Матери, жрецы—галлы приходили въ иступленное состояніе, били себя плетями, пили свою кровь, оскоплялись на глазахъ всѣхъ, получали видѣнія, пророчествовали. Экстазь заражалъ многихъ присутствовавшихъ и они повторяли тоже. Въ наше время такое зрѣлище вызвало бы общее негодованіе и, безъ сомнѣнія, было бы остановлено полиціей, но на самомъ дѣлѣ подъ своей внѣшней грубой формой оно скрывало глубокой религіозный смыслъ. Экстатическое состояніе приводило человѣка въ непосредственное соприкосновеніе съ высшей силой и становилось для него источникомъ новыхъ душевныхъ эмоцій, а самоистязаніе до крови, оскотленіе воспитывало мысль въ убѣжденіи, что однихъ внѣшнихъ жертвъ недостаточно для бога, что нужно извѣстная доля самопожертвованія и самоотрѣшенія со стороны человѣка. Въ культѣ Изиды посвящаемые, очищенные отъ грѣховъ посредствомъ омовеній и подвиговъ воздержанія, допускались къ таинствамъ, главная цѣль которыхъ состояла въ обезпеченіи человѣку будущей жизни и блаженнаго состоянія. Въ культѣ Митры мы находимъ элементы, настолько близкіе къ христіанству, что сами христіане ничѣмъ инымъ не могли объяснить ихъ, какъ кознями діавола, желавшаго путемъ подражанія святому ученію и обрядамъ отвлечь язычниковъ отъ истиннаго пути. Здѣсь мы встрѣчаемъ воззрѣніе на міръ, какъ огромную арену борьбы между добромъ и зломъ, центромъ которой является душа человѣческая, на жизнь человѣка, какъ поприще испытанія, сознаніе грѣха, вѣру въ Искупителя въ лицѣ Митры, посредника между Богомъ и человѣкомъ, творца міра и человѣческаго рода, охранителя всего добраго, неисчерпаемаго источника помощи для всякаго взывающаго къ нему, ученіе о воскресеніи мертвыхъ, всеобщемъ судѣ, гибели нечестивыхъ и царствѣ святыхъ. Столь же возвышенныя черты мы наблюдаемъ и въ морали послѣдователей Митры. Совершенная чистота была конечной цѣлью, къ которой они стремились, аскетическіе подвиги, воздержаніе отъ извѣстныхъ родовъ пищи были обычнымъ явленіемъ у нихъ. Самъ Тертуллианъ свидѣтельствуетъ, что въ

ихъ рядахъ не мало было дѣвственницъ и монаховъ (continentes). Таковъ былъ кругъ религіозныхъ идей, мыслей и чувствованій, какими жило и питалось язычество 2-го и 3-го вѣка въ видѣ лучшихъ его представителей ¹⁾.

Развитіе религіознаго сознанія язычества на всемъ этомъ еще не остановилось: Необозримое множество боговъ, расплодившихся на греко-римскомъ небѣ во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ, тяжелымъ ярмомъ ложилось на мысли и душу всѣхъ болѣе или менѣе образованныхъ людей того времени и стояло въ непримиримомъ противорѣчій съ вновь развившимися религіозными стремленіями ²⁾. Каждый изъ боговъ выражалъ претензію на единоличное господство надъ міромъ, каждый старался отнять поклонниковъ у своего соперника, но не одинъ не обладалъ такимъ авторитетомъ и достоинствами, чтобы объединить около себя все человѣчество, взятые же всѣ вмѣстѣ, они взаимно ограничивали другъ друга и лишали себя права на абсолютное господство. Возникла потребность найти какой-либо общій принципъ, способный объединить въ себѣ все это разнообразіе

¹⁾ О культѣ Митры см. превосходное изслѣдованіе Cumont'a, *Die Mysterien des Mithra* (у насъ имѣется въ нѣмецкомъ переводѣ Genrich'a), Leipzig, 1903 г.

²⁾ Насколько соблазнительна казалась народная религія и богослуженіе людямъ философски развитымъ, это видно изъ письма неоплатоника Порфирія къ египетскому жрецу Анебону: уже существо боговъ трудно опредѣлить: „чѣмъ,—спрашиваетъ Порфирій,—различаются между собою различные классы боговъ? дѣятельностью и положеніемъ или своими тѣлами? что обозначаетъ признаніе земныхъ и подземныхъ, водяныхъ и воздушныхъ боговъ? Не всѣ ли боги живутъ на небѣ? раздѣлены ли они пространственно и тѣлесно и какъ въ такомъ случаѣ они могутъ сохранять единство между собой? Подвержены ли боги страданіямъ и страстямъ,—какъ предполагается молитвами и обрядами,—и въ чемъ состоитъ тогда различіе ихъ отъ демоновъ? если же они безтѣлесны, а эти нѣтъ, то какъ могутъ быть названы небесныя тѣла боговъ? Почему нѣкоторые боги считаются благодѣтельными, а другіе губительными? Какъ соединяются видимые боги съ невидимыми? чѣмъ отличаются отъ тѣхъ и другихъ демоны, души и герои демоновъ? въ чемъ заключаются признаки, по которымъ можно было бы отличать явленія боговъ, ангеловъ, архангеловъ, демоновъ, душъ? Въ чемъ состоитъ сущность предсказанія, какъ мы должны изъяснять пророческій экстазъ и т. д.? (Слѣдуетъ большое число подобнаго рода вопросовъ). Zeller. *Die Philosophie der Griechen*. Dritter Theil, Zweite Abtheilung, 4 Aufl. Leipzig, 1903, s. 723. 724.

божествѣ, создать такое высшее единство, которое, неизмѣримо возвышаясь надъ всѣми богами, каждому изъ нихъ могло бы указать свое опредѣленное мѣсто въ порядкѣ міроуправленія, нарождалось стремленіе къ монотеизму. За эту задачу прежде всего берется философія. Въ системах неоплатонизма, расцвѣтшихъ съ 3-го вѣка, дѣлается грандіозная, единственная во всей исторіи, попытка примирить самый отвлеченнѣйшій монотеизмъ съ грубою конкретностью языческихъ вѣрованій и этимъ путемъ возвысить ихъ въ сужденіяхъ общества, подложивъ подъ нихъ философскій смыслъ. Никогда еще мысль человѣческая не поднималась въ своихъ понятіяхъ объ абсолютномъ бытіи до такой теоретической тонкости, какъ это мы видимъ у Плотина, самаго выдающагося неоплатоника, главы неоплатонической школы. Онъ не находитъ въ человѣческомъ языкѣ словъ, чтобы въ достаточной мѣрѣ выразить наполняющую его сознаніе идею абсолютнаго (*τὸ πρῶτον*). Оно выше всякихъ опредѣленій, выше мысли, выше бытія, выше дѣятельности, выше добра и всякой качественности; его можно было бы описывать посредствомъ отрицательныхъ опредѣленій, исключаящихъ всякое ограниченіе, но оно не пустота бытія, а полнота его, совмѣщающая въ себѣ все въ неразличномъ единствѣ. Умъ философа, однако, недолго витаетъ въ этой безпредѣльности абсолютнаго бытія; рядомъ чрезвычайно сложныхъ логическихъ комбинацій, Плотинъ мало-помалу опускается въ мірѣ обычныхъ явленій и развиваетъ цѣлую философскую теорію о происхожденіи и значеніи боговъ. Плотинъ первый со всею подробностью примѣнилъ аллегорическое толкованіе мифовъ, существовавшее еще раньше его, объяснивъ ихъ, какъ историческое изображеніе міровыхъ процессовъ, такъ что каждое божество получило у него свое обоснованное разумно мѣсто въ міровомъ порядкѣ¹⁾. У послѣдователей Плотина, за исключеніемъ развѣ одного Порфирія, свободно относившагося къ языческой религіи, дѣло пошло дальше, и скоро возвышеннѣйшая философія древности, какую представляла собой неоплатонизмъ въ системѣ Плотина, обратилась въ религіозный синкре-

¹⁾ Zeller, *ibid.* Ss. 675—685.

тизмъ, въ мантику и теургію, оправдывающую всё, даже самыя грубыя, заблужденія язычества ¹⁾).

Черезъ чуръ отвлеченный монотеизмъ неоплатонизма, оставшійся доступнымъ не многимъ избраннымъ, не могъ удовлетворить собой потребностей широкой публики. Обыкновенный языческій умъ желалъ себѣ болѣе конкретнаго, объединительнаго начала; ему нужно было какое-нибудь видимое представленіе о Божествѣ, какое-нибудь яркое наглядное проявленіе силы верховнаго Божества, которое настолько должно превосходить все прочее, чтобы его можно было признать богомъ по преимуществу. Уже самый ходъ религіознаго развитія язычества подсказывалъ ему, гдѣ нужно искать такое Божество. Восточныя культы, наводнившіе собой греко-римскій міръ во 2-мъ и 3-мъ вѣкахъ, были всё болѣе или менѣе астральнаго происхожденія и являлись олицетвореніями солнца. Митра былъ по-преимуществу богъ солнца: „*Mithrae soli invicto comiti*—Митрѣ солнцу непобѣдимому спутнику“ гласятъ тысячи надписей, разсѣяныя на монетахъ, памятникахъ, зданіяхъ, амuleтахъ 3-го вѣка. Вслѣдъ за нимъ имя солнца принимаютъ поочереды всё божества Востока,—Сераписъ, Аттисъ, Вааль Пальмирскій, Сабасій и пр. Претензіи восточныхъ боговъ заразительно дѣйствуютъ на населеніе римскаго Капитолія и греческаго Олимпа: Зевсъ, Юпитеръ, Аполлонъ спѣшатъ усвоить себѣ этотъ почетный титулъ, и такимъ образомъ все разнообразіе боговъ объединяется въ одномъ общемъ центрѣ—почитаніи солнца. Въ половинѣ 3-го и въ 4-мъ вѣкѣ культъ солнца становится самымъ господствующимъ культомъ язычества, предъ величіемъ котораго склоняются всё остальные божества и все языческое общество. Императоры покровительствуютъ солнцу, какъ непобѣдимому спутнику въ военныхъ походахъ. Авреліанъ, одинъ изъ умнѣйшихъ государей второй половины 3-го вѣка, серьезно думалъ соединить подъ знаменемъ солнца всё культурныя народы древняго міра; въ этихъ цѣляхъ онъ построилъ ему новый, обширный храмъ на Квириналѣ и основалъ въ честь его вторую коллегію жрецовъ; здѣсь солнце изображено было въ двухъ формахъ: въ греко-римской въ видѣ Аполлона и семитиче-

¹⁾ Zeller, *ibid.*

ской Ваала. Для непосредственного чувства простого язычника достаточно уже было тѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, какія получалъ онъ отъ солнца. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не солнце является источникомъ тепла и жизни, подателемъ всѣхъ благъ земныхъ, управителемъ времени и охранителемъ міроваго порядка? Также и представители образованнаго класса гораздо легче примиряли свое развитое міросозерцаніе съ культомъ солнца, чѣмъ съ какимъ-нибудь другимъ. Солнце—источникъ свѣта, они понимали, какъ образъ разумнаго, невидимаго свѣта, какъ бы Логоса, надъ всемъ господствующаго, повсюду проникающаго, все просвѣщающаго и направляющаго къ добру и истинѣ, и это пониманіе солнечнаго божества казалось тѣмъ прочнѣе и несомнѣннѣе, что оно поддерживалось и современной ему наукой. Уже Порфирій и Ямвлихъ называли солнце и луну видимыми божествами; у Макробія, языческаго теолога 4-го вѣка, всѣ имена боговъ представляютъ собой ничто иное, какъ только обозначенія различныхъ свойствъ одного солнца и всѣ объединяются въ немъ. Въ философіи Юліана солнце есть центръ духовнаго міра (*κόσμος νοερός*), живой, разумный и благодѣтельный образъ небеснаго Отца ¹⁾.

IV.

Константинъ Великій былъ сыномъ своего времени. Прекрасно сознавая, что его ожидаетъ таже военная карьера, которая выдвинула отца его на высокое мѣсто соправителя имперіи, онъ не имѣлъ ни времени, ни побужденій заниматься религіозными вопросами, и примкнулъ къ господствующему направленію, раздѣляемому всѣми лучшими его современниками. Вообще говоря, его религіей была религія Солнца, о чемъ непрерываемо свидѣтельствуетъ масса монетъ, сохранившихся отъ Константина съ надписью *Soli invicto comiti*—Солнцу непобѣдимому спутнику. Такъ напр. въ одномъ Парижскомъ музеѣ такихъ монетъ насчитывается до 138, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ изображаютъ самого государя въ видѣ солнца съ головой, окруженной лучами ²⁾.

¹⁾ Ревилль, цит. кн.: Allard, Julien l' Apostat, t. I, Paris, 1900, 12—15.

²⁾ Duruy, cit. op., 81..

Но какое божество въ частности почиталъ Константинъ подъ именемъ солнца, объ этомъ въ наукѣ существуютъ разныя мнѣнія. Всякій полководецъ, сила котораго опирается на довѣріе войска, такъ или иначе долженъ считаться съ религіозными воззрѣніями, пользующимся наибольшимъ сочувствіемъ среди его воиновъ. Къ IV-му вѣку, главнымъ, почти исключительнымъ богомъ и покровителемъ римскихъ легионовъ былъ богъ Митра—Солнце. Митра—это богъ по преимуществу военный: въ военномъ сословіи онъ вербовалъ главную массу своихъ приверженцевъ, ему же онъ обязанъ былъ и той необычайной быстротой, съ какой культъ его распространился по самымъ отдаленнымъ уголкамъ греко-римскаго міра. Во второмъ и 3-мъ вѣкѣ римская имперія имѣла трехъ враговъ—германцевъ, густыми толпами надвигавшимися въ сѣверозападные предѣлы ея, готовъ въ областяхъ Дуная и персовъ на крайнемъ Востокѣ. Пока во главѣ римскаго государства стоялъ одинъ императоръ, военная необходимость часто заставляла быстро перебрасывать легионы изъ одного края имперіи въ другой. Знакомая на Востокѣ съ культомъ Митры, культомъ персидскаго происхожденія, солдаты, возвращаясь на родину, приносили его вмѣстѣ съ собой и здѣсь становились ревностными миссіонерами его. Если взглянуть на карту распространенія мистерій Митры, приложенную къ изслѣдованію Cumont'a, то не трудно убѣдиться, что на ряду съ многими другими провинціями, Галлія, югозападная Германія и Британія, откуда Константинъ набиралъ свои войска, являлись центрами, гдѣ культъ персидскаго бога пользовался широкой популярностью¹⁾. Императоры, хорошо знавшіе религіозныя вѣрованія своихъ легионовъ, покровительствовали ихъ богу даже въ томъ случаѣ, если они своимъ нуменомъ избирали другихъ. Въ 307-мъ году Діоклитіанъ, носившій имя Ювія въ честь Юпитера, Галерій-Геркулесъ т. е. Геркулесъ и Лициній построили богу Митрѣ въ Карпунтумѣ храмъ съ надписью: *Mithrae fautori imperii sui* (Митрѣ покровителю своей имперіи)²⁾. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, поэтому, если и Константинъ, имѣвшій въ своихъ легионахъ

¹⁾ См. Cumont, cit. op., также Grill. Die persische Mysterienreligion und das Christentum.

²⁾ Cumont, ibid., 66. 187.

многочисленныхъ поклонниковъ Митры, благосклонно относился къ этому культу и быть можетъ, участвовалъ въ его мистеріяхъ ¹⁾. Но въ чемъ бы ни состояли его связи съ религіей Митры, несомнѣнно, что его личнымъ нуменомъ, любимымъ богомъ и покровителемъ былъ Аполлонъ, олицетворявшійся тоже въ видѣ солнца. Культъ Аполлона привлекалъ Константина многими своими сторонами. Изъ всѣхъ боговъ греко-римскаго Олимпа, онъ одинъ въ ту эпоху все возрастающаго синкретизма сохранилъ свою оригинальность, оставаясь всегда носителемъ идеальной красоты, источникомъ героизма, богомъ духа и мысли. Семейныя преданія также говорили въ пользу этого культа: Флавій Клавдій II-й, глава его дома, императоръ Авреліанъ, сынъ жрицы солнца, и вѣроятно Констанцій Хлоръ, отецъ Константина, были преимущественно почитателями этого бога ²⁾. Самъ Константинъ своей мощной, красивой и энергичной фигурой напоминалъ своего любимаго бога, зналъ объ этомъ сходствѣ и гордился имъ ³⁾. Панегиристъ 308 г., вполне понимая, чѣмъ лучше польстить государю, сказавъ о явленіи ему Аполлона, продолжаетъ: „и чему вѣрю, ты узналъ самого себя въ лицѣ того, кого всѣ царства міра воспѣваютъ божественными пѣснями... потому что ты, какъ и онъ, молодъ, радостенъ и повсюду разсѣваешь счастье“ ⁴⁾. Впослѣдствіи, украшая Константинополь отовсюду собранными сокровищами древняго искусства, онъ статую Аполлона, взятую изъ Геліополиса, лишь нѣсколько измѣнивъ такъ передѣлалъ, что она стала его собственнымъ портретомъ ⁵⁾. И усердное почитаніе, воз-

¹⁾ Къ сожалѣнію, спеціальныя статьи, посвященныя этому вопросу (Preger, Konstantinos Helios; Hermes, XXXVI, 1901 и Rapp, Das Labarum und der Sonnescultus), остались намъ недоступными.

²⁾ Duruy, *ibid.*

³⁾ Это также доказывается сохранившимися до насъ статуямъ; см. Duruy, *Histoire des Rom.*, VII, особ. стр. 7. 20.

⁴⁾ Paneg. VII, 21,—XII panegyrici latini, ed. Baehrens, Lipsiae 1874. p. 177.—Дважды называетъ Аполлона нуменомъ Константина, с. 22, p. 176.

⁵⁾ Allard. *L'art païen sous les empereurs chrétiens*. Paris, 1879, 183. Объ этой привязанности Константина къ культу Аполлона хорошо знаетъ Юліанъ, въ одномъ своемъ разговорѣ заставляющій Юпитера произносить такія слова по адресу Аполлона: „сынъ мой, почему ты не поразилъ своимъ острымъ дроткомъ этого безумнаго смертнаго, осмѣливавшагося дезертировать отъ твоего почитанія“ Allard, *Julien l' Apostat*, I, 78.

даваемое Константиномъ Аполлону, не осталось для него безплоднымъ: его блестящіе побѣды надъ бриттами и франками, ознаменовавшіе первые годы его самостоятельной дѣятельности, служили для него непререкаемымъ ручательствомъ непреодолимаго могущества помогающаго ему бога и воспитывали его въ преданности къ своему „непобѣдимому сотруднику“. Когда въ 308 г., Константинъ посѣщаль Отѣнь, онъ почтилъ находящійся здѣсь прекрасный храмъ Аполлона такими дарами, о какихъ не знала вся древность. По словамъ панегириста, привѣтствовавшаго его тогда торжественною рѣчью, самъ богъ явился ему въ храмѣ вмѣстѣ съ побѣдой и увѣнчалъ его короной, усыпанной лаврами ¹⁾. Ничто, такимъ образомъ, не предвѣщало того, что Константинъ когда-нибудь станетъ христіаниномъ; культъ Аполлона вполне удовлетворялъ всѣмъ его потребностямъ, какъ чловѣка и полководца, и если бы кто-нибудь въ это время предсказалъ ему о послѣдующемъ его обращеніи въ христіанство, онъ, безъ сомнѣнія, отвернулся бы отъ такого пророка съ негодованіемъ и презрѣніемъ.

Переворотъ, совершившійся въ религіозныхъ настроеніяхъ Константина и обратившій его изъ почитателя Аполлона въ поклонника Христа, тѣсно связывается съ историческими обстоятельствами, сопровождавшими походъ его въ Римъ съ цѣлю ниспровергнуть Максенція, насильно завладѣвшаго столицей. Намъ нѣтъ надобности входить въ сложныя политическія отношенія, подавшія поводъ къ этому походу ²⁾: достаточно сказать, что этотъ походъ былъ государственною необходимостью, единственнымъ выходомъ изъ того невозможнаго положенія, въ какое былъ поставленъ Константинъ.

Походъ на Римъ!.. Сколько мыслей и чувствованій, сколько тревогъ, колебаній и суевѣрнаго страха должно было вызывать это предпріятіе въ душѣ Константина никогда не видавшаго Римъ, и въ умахъ принадлежавшаго ему войска! Римъ!.. въ этомъ словѣ для римскаго гражданина всегда

¹⁾ *ibid.*

²⁾ Исторія этого похода Константина въ Италію и битвы подъ Римомъ прекрасно изложена у Seek'a въ его „Geschichte der Untergangs etc“. лично на мѣстѣ изучившаго всю топографическую обстановку (См. Anhang, zum ersten Bande, s. 492. 493). Наша дальнѣйшая рѣчь опирается на это изслѣдованіе.

заклучалось какое-то мистическое обаяніе чего-то сверхъестественнаго, вышечеловѣческаго, героическаго... Еще задолго до эпохи Константина Римъ сдѣлался предметомъ почти всеобщаго божескаго почитанія, города и провинціи строили ему храмы и жертвенники, гдѣ предъ статуей богини Ромы воскуряли ѳиміамъ, приносили жертвы, совершали торжества и въ минуты политической опасности вzywали о помощи. Со времени нашествія галловъ, память о которомъ совершенно исчезла у позднѣйшихъ поколѣній, Римъ оставался непоколебимой твердыней; ни одна вражеская рука не смѣла коснуться его; надъ всею вселенной онъ высидся какъ неприступный властелинъ, всеми повелѣвающій и никому не подчиняющійся, былъ вмѣстилищемъ всехъ боговъ, охранялся всеми преданіями священно старинны.—Прецеденты, случившіяся на глазахъ Константина, еще болѣе обостряли эту тревогу. Северъ и Галерій, восточные Августы, одинъ за другимъ выступали въ походъ на Римъ, чтобы изгнать Максенція, стояли съ громадными войсками предъ стѣнами вѣчнаго города, и оба съ позоромъ должны были удалиться. Северъ, оставленный своими солдатами, былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ; Галерій, тоже покинутый своими воинами, плачемъ и рыданіями долженъ былъ умолять оставшихся вѣрными немногихъ солдатъ, чтобы цѣлымъ возвратиться въ свои области ¹⁾.—Намѣренія Константина ни въ комъ изъ окружающихъ не встрѣчало сочувствія: свита была противъ похода, полководцы не только роптали втайнѣ, но и явно высказывали свои опасенія: совѣтъ всехъ благоразумныхъ людей высказывался отрицательно ²⁾. Самое время для новыхъ

¹⁾ См. Zeeck. cit. op. I, 82 ff., 90 ff.

²⁾ „Какой богъ, какое столь покровительствующее тебѣ величество вдохнуло тебѣ такое мужество, что ты (Константинъ) вопреки желаніямъ твоей свиты и полководцевъ, не только роптавшихъ втайнѣ, но и открыто страшившихся, противъ совѣта людей, противъ предвѣщаній гаруспидій самъ по себѣ рѣшилъ, что настало время освободить городъ? Очевидно ты, Константинъ, имѣешь какое-то сокровенное общеніе съ той божественной мыслью, которая, предоставивъ заботы о насъ низшимъ богамъ, признала достойнымъ открыться тебѣ одному“.—Palæg. IX, 2: см. Vaegens, XII pap. lat., p. 193. 194. Походъ на Римъ современникамъ Константина, въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ былъ предпринятъ, представлялся такимъ огромнымъ и рискованнымъ предпріятіемъ, что успѣхъ его они иначе и не могли объяснить, какъ Божественнымъ внушеніемъ.

военныхъ операций было неудобно: германцы опять начали волноваться и въ скоромъ времени нужно было ожидать новаго вторженія ихъ въ страны, подвластныя Константину... Но походъ былъ необходимъ и Константинъ рѣшился начать его.

Оставивъ $\frac{3}{4}$ своихъ легіонъ для защиты границы, Константинъ съ 25,000 воиновъ весной 312 г. двинулся въ походъ. Счастье ему благопріятствовало и Аполлонъ продолжалъ покровительствовать. Города сѣверной и средней Италіи одинъ за другимъ сдавались ему, и въ октябрѣ этого года онъ стоялъ предъ стѣнами Рима... И только теперь, дойдя до конечной цѣли своего похода, онъ началъ понимать, что все его предпріятіе было однимъ безуміемъ! Въ распоряженіи Максенція находилось 170,000 пѣхоты и 18,000 конницы; запертые въ неприступной крѣпости, эти легіоны представляли собой такую великую силу, о разгромѣ которой при помощи ничтожнаго количества воиновъ, имѣвшихся у Константина, и думать было нельзя. Обложить городъ продолжительной осадой и голодомъ вынудить Максенція къ сдачѣ—было также пустой затѣей. Константинъ хорошо зналъ о громадныхъ запасахъ провіанта, собранныхъ въ Римѣ, да и растянуть свое небольшое войско кругомъ крѣпости, обнимавшей почти двѣ мили, значило бы создать удобные для Максенція поводы рядомъ удачныхъ вылазокъ истребить большую часть солдатъ и совсѣмъ обезсилить его. Идти назадъ? Но это значило бы потерять довѣріе войска, вызвать преслѣдованіе и погубить все дѣло. Участъ Севера и Галерія стала ярко обрисовываться въ сознаниіи Константина и мысль на-

---

Цитируемый панегирикъ былъ произнесенъ въ Трирѣ въ 313 г., когда Константинъ, послѣ побѣды надъ Максенціемъ, долженъ былъ отправиться на подавленіе бунта германцевъ. Таже мысль выражена въ надписи на триумфальной аркѣ, воздвигнутой въ честь Константина отъ имени римскаго сената и народа послѣ побѣды надъ Максенціемъ (арка существуетъ и доселѣ, но въ реставрированномъ видѣ). Надпись на боку арки читается такъ: *imp. caes. Fl. Constantino Maximo S. P. C. R. (т. е. senatus populusque romanus) quod instinctu divinitatis mentis magnitudine cum exercitus votam de tyranno quam de omni ejus factione uno tempore justis republicam ultus est armis arcum triumphis insignem dedicavit: внутри арки значилась слова: liberatori urbis, fundatori quietis. Instinctu divinitatis употребляетъ также риторъ Назарій въ панегирикѣ, произнесенномъ въ 321 (Pan. X, 7; Baehrens, Pan. lat. p. 226).*

пряженно работать надъ изобрѣтеніемъ возможнаго исхода. Но гдѣ же искать помощи? Въ ту эпоху религіознаго напряженія, когда границы между естественнымъ и сверхъестественнымъ сглаживались, когда боги сходили на землю и принимали живое участіе во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, когда даже въ менѣ трудныхъ обстоятельствахъ жизни люди искали высшаго указанія и ему только довѣрялись, отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ быть только одинъ: на человѣческія силы надѣяться нельзя, нужна небесная помощь, нужно высшее Божественное откровеніе ¹⁾.

Теперь для насъ, совершенно понятными становятся тѣ разсужденія, какія влагааетъ Евсейій въ уста Константина: „Уразумѣвъ, что ему нужна помощь выше воинскихъ средствъ, Константинъ сталъ думать, какого бога призвать бы себѣ на помощь. При рѣшеніи этого вопроса ему пришло на мысль, что не малое число прежнихъ державныхъ лицъ, возложивъ свою надежду на многихъ боговъ и служа имъ жертвами и дарами, прежде всего были обманываемы ложными оракулами, обольщались благопріятными предсказаніями и оканчивали свое дѣло худо. Ни одинъ изъ боговъ не былъ къ нимъ столь милостивъ, чтобы не подвергъ ихъ посланнымъ свыше бѣдствіямъ. Только отецъ его шелъ противнымъ путемъ. Видя ихъ заблужденіе и чтя Бога всѣхъ, онъ находилъ въ Немъ спасителя своего царства, хранителя и руководителя ко всякому благу. Константинъ различалъ это самъ про себя и основательно разсуждалъ, что полагавшіеся на многихъ боговъ подверглись и мно-

¹⁾ Вѣра въ знаменія и чудодѣйственныя свидѣнія была чрезвычайно распространена въ ту эпоху. У Маркардта (Marquardt. Romische Staatsverwaltung, 2 Aufl. Leipzig, 1885, III, 13, s. 100; окт. 6 и 7) собранъ обширный рядъ надписей, въ которыхъ получившіе во снѣ откровеніе благодарятъ за дарованное исцѣленіе, за благополучный исходъ дѣла и пр. Въ храмѣ Сераписа въ Александріи существовалъ особый институтъ *κατόχοι*; больные или нуждающіеся въ какой-нибудь другой помощи на опредѣленное время заключали себя въ помѣщенія, окружавшія храмъ, вели воздержный образъ жизни и ночи проводили въ храмѣ, гдѣ во снѣ и удостоивались божественнаго откровенія. Дошедшіе до насъ папирусы содержатъ въ себѣ много благодарностей за полученныя свыше наставленія. См. интересную брошюру Preuschen'a „Mönchtum und Serapiskult“. Darmstadt 1899. Св. Григорій Богословъ по одному поводу замѣчаетъ, что „при великихъ переломкахъ неоднократно случались знаменія (Contra Julian, от. 2)“.

гимъ бѣдствіямъ, такъ что между людьми не оставалось ни рода ихъ, ни племени, ни имени, ни памяти ¹⁾).

Въ этомъ порядкѣ мыслей не было ничего страннаго, необычнаго для того времени, когда они были высказаны. Сомнѣваться въ реальности христіанскаго Бога язычникъ не имѣлъ никакого повода; въ его сложномъ религіозномъ синкретизмѣ христіанской Богъ также хорошо могъ найти свое мѣсто, какъ и боги другихъ народовъ. Христіанъ преслѣдовалъ не за то, что они почитали своего Бога, а за то, что почитая Его, они совершенно пренебрегали отечественной религіей и не сдавались ни на какія компромиссы. Въ свою очередь и христіане не отрицали дѣйствительности языческихъ боговъ; простой христіанинъ, какъ и образованный апологетъ ²⁾, вѣрили, что Аполлонъ предсказываетъ будущее и Эскулапъ производитъ чудесныя исцѣленія; они утверждали только, что здѣсь дѣйствуютъ злые демоны, сила которыхъ склоняется предъ именемъ Христа. Споръ между язычествомъ и христіанствомъ шелъ вовсе не о томъ, существуютъ—ли боги, ими признаваемые, а о томъ, кто изъ боговъ—христіанскій или языческій, можетъ доставить больше милостей своимъ исповѣдникамъ и сильнѣе повредить ихъ врагамъ. Чтобы стать христіаниномъ для простой массы съ ея грубыми религіозными вѣрованіями достаточно бывало иногда какого-либо одного сильнаго впечатлѣнія, полученнаго подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Въ гоненіе Діоклитіана въ Александріи дѣвица Θεодора была осуждена на публичное опозорѣніе; правомъ первенства на невинность удалось воспользоваться воину Дидиму, то же христіанину, и онъ войдя въ лупанарій, предложилъ Θεодорѣ облечься въ свои военные доспѣхи, а самъ надѣлъ ея женскія одежды и покрылся покрываломъ. Когда Θεодора, никѣмъ не задер-

¹⁾ Euseb., V. C. I, 27.

²⁾ Just., Apol. 22; Minuc. Fel., Octav., c. 27. Origen. c. Celsum III, 3: „ведѣ или по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ бывають чудеса. Цельсь самъ въ своей книгѣ признаеть, что Эскулапъ во всѣхъ городахъ, которые ему посвящены въ Триккѣ, Епидаврѣ, Козѣ (Κῶ) и Пергамѣ исцѣляетъ болѣзнь и открываетъ будущее“. Origenes Werke, I, p. 205; III, 25: пусть я допускаю, что демонъ съ именемъ Эскулапа имѣеть силу исцѣлять тѣлесныя болѣзнь, но все же я долженъ тѣмъ, которые изумляются предъ этими исцѣленіями или предсказаніями Аполлона, сдѣлатъ замѣчаніе, что эти исцѣленія сами по себѣ ни хороши, ни дурны“... *ibid.* p. 221.

живаемая, спокойно удалилась, вошелъ язычникъ, и каково же было его удивленіе, когда вмѣсто женщины онъ встрѣтилъ тамъ мужчину! Глубоко потрясенный, язычникъ воскликнулъ: „неужели Иисусъ можетъ моментально превратить дѣвицу въ мужа?“—и объятый страхомъ, выбѣжалъ въ опасеніи, какъ бы и его Иисусъ не обратилъ въ женщину 1). Еще съ половины 3-го вѣка этотъ споръ перенесенъ былъ въ политическія сферы: систематическія гоненія на христіанъ, открытыя императоромъ Деціемъ Траяномъ, въ сущности рѣшали, только кровнымъ путемъ, вопросъ о томъ, кто долженъ господствовать въ государствѣ, прежніе-ли языческіе боги, или христіанскій Богъ, пріобрѣтавшій себѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе многочисленныхъ поклонниковъ. Въ 4-мъ вѣкѣ этотъ вопросъ сталъ предметомъ ученаго обсужденія. Достаточно заглянуть литературу этого времени, чтобы видѣть, съ какимъ горячимъ интересомъ, съ какимъ богатымъ запасомъ аргументовъ обсуждаютъ его языческіе и христіанскіе писатели. Евнапій и Зосимъ подбираютъ массу историческихъ фактовъ, чтобы доказать, что съ тѣхъ поръ, какъ государство признало новую религію, гнѣвъ отвергнутыхъ боговъ ниспослалъ на нее цѣлый рядъ бѣдствій, и христіанскій Богъ оказался не въ силахъ помочь имъ. Орозій утверждаетъ противное; онъ говоритъ, что и при господствѣ языческихъ боговъ кровь и слезы текли въ изобиліи, и Юпитеръ не въ состояніи былъ доставить ожидавшаго счастья 2). Евсевій и Лактанцій историческими примѣрами популяризируютъ ту мысль, что всѣ гонители христіанства, какими бы суевѣріями они не пользовались,— всѣ наслѣдовали ужасный конецъ, и если бы мы знали, что Константинъ читалъ сочиненія Лактанція „О смерти гонителей“, мы могли бы говорить о зависимости его отъ этого писателя: такъ похожи у нихъ всѣ мысли! Но о такой зависимости не можетъ быть и рѣчи. Подобныя идеи носились въ воздухѣ и особенно заразительно должны были дѣйствовать на полководцевъ и ихъ войска. Константинъ самъ на своемъ еще небольшомъ опытѣ могъ провѣрить ихъ. Въ

1) *Ruinart. Acta martyrum. sincera*, p. II: *acta Didymi et Theodorae virginis*, pp. 410—414.

2) *Cp. Seeck, cit. op.*, s. 57.

самомъ дѣлѣ, эдиктъ противъ христіанъ опубликованъ былъ Діоклитіаномъ въ 303 г., но въ слѣдующемъ же году, послѣ празднованія 20-лѣтняго юбилея своего царствованія, онъ впалъ въ жестокую болѣзнь, отразившуюся даже на его умственныхъ способностяхъ ¹⁾. Максиміанъ, сотрудникъ Діоклитіана въ гоненіяхъ, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Галерія, — этого злѣйшаго ненавистника христіанъ, — постигъ еще болѣе ужасный конецъ: черви заживо разъѣдали его тѣло и, находясь въ страшныхъ мученіяхъ, онъ почти накануне смерти издалъ эдиктъ, прекращающій гоненія, въ тайномъ расчетѣ, не поможетъ ли ему еще христіанскій Богъ ²⁾. Между тѣмъ Галлія, гдѣ христіане пользовались миромъ и почти не испытали на себѣ никакихъ притѣсненій, одна изъ всѣхъ областей царства отличалась спокойствіемъ и благосостояніемъ, и ея правители не терпѣли никакого ущерба. Не должно ли было все это рождать у Константина мысль, что языческіе боги недостаточно обезпечиваютъ благополучіе своихъ поклонниковъ, что Богъ христіанскій обладаетъ силой, превосходящей всѣ языческія чародѣйства?

На встрѣчу этимъ впечатлѣніямъ, лично пережитымъ Константиномъ, шли другія болѣе важныя соображенія. Въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ оказался предъ стѣнами Рима, онъ едва-ли могъ рассчитывать на помощь отечественныхъ боговъ. Вѣдь не Римъ-ли служилъ главнѣйшимъ покровителемъ и защитникомъ ихъ? не Капитолій-ли являлся центральнымъ мѣстомъ ихъ жительства и идти противъ Рима не значить-ли идти и противъ обитающихъ тамъ боговъ? Еще передъ походомъ въ Италію, по обычаю, были совершены гаруспиціи, и дали неблагопріятное предзнаменованіе, повторены были еще разъ — и результатъ получился тотъ же ³⁾. Ясно, что воля была противъ похода. Между тѣмъ Максенцій успѣшилъ воспользоваться всѣми преиму-

¹⁾ Constantini Orat. ad sanct., с. 25.

²⁾ См. у Лактанція, de mort. persecut. сс. XVII, XXX, XXXIII.

³⁾ Paneg. IX (по болѣе исправному, по нашему мнѣнію, тексту у Migne, Patr. lat. t. VIII, p. 655): „transacto enim nutu adversi ominis et offenso revocati“... (мѣсто грудное, вызвавшее много толкованій) т. е. послѣ того какъ совершенно было гаданіе, оказавшееся неблагопріятнымъ и, при повтореніи, снова дало дурное предзнаменованіе.“

ществами своего положенія въ центрѣ языческаго культа. Какъ и Константинъ, онъ не надѣялся ни на силы своего огромнаго войска, ни на прочность занимаемой имъ твердыни, и искалъ высшей помощи. Чародѣйство и волхвованіе, какими въ обилии обладало тогдашнее язычество, были совершены съ точностью, беременныхъ женщинъ разсѣкали и по движенію плода предсказывали успѣхъ ¹⁾; читали Сивиллины книги, и радовались предсказываемому ими успѣху. Припомнили еще одинъ случай, что Максенцій получилъ корону и прогналъ отъ стѣнъ Рима Севера и Галерія при префектѣ Анніи Анулинѣ, отыскали его потомка и къ счастью тоже Аннія Анулина и уже предъ самой битвой назначили его префектомъ ²⁾. Такъ, всѣ силы языческаго неба и ада были призваны, всѣ примѣты соблюдены, чтобы поразить врага и отпраздновать надъ нимъ побѣду.—Все это угнетающимъ образомъ должно было дѣйствовать на Константина; какъ язычникъ, онъ вполне раздѣлялъ всѣ эти суевѣрія, глубоко вѣрилъ, что чародѣйство и волхвованіе способны призвать на помощь сверхъестественныя силы и ни мало не сомнѣвался, что эта помощь стояла на сторонѣ Мексенція. Но что же онъ могъ противопоставить ей? Онъ зналъ, что демоны, помогавшіе язычникамъ, доселѣ обнаруживали свою власть лишь въ отношеніи къ своимъ почитателямъ? Почему бы не обратиться къ христіанскому Богу и не попытаться узнать, превозмогутъ-ли демоны противъ христіанъ или христіанскій Богъ побѣдитъ ихъ? Тревожное душевное состояніе, охватившее Константина, напряженная работа мысли, борьба наполнявшихъ его чувствованій, сомнѣній и надеждъ разрѣшается видѣніемъ во снѣ или на яву, въ которомъ онъ получаетъ высшее повелѣніе идти на бой во имя Христа... Всѣ затрудненія разомъ пали: Константинъ призываетъ христіанскихъ священниковъ, проситъ ихъ молитвъ къ христіанскому Богу, устрояетъ лабарумъ... И дѣйствительно случилось нѣчто невѣроятное!

Если бы Максенцій продолжалъ сидѣть за стѣнами Рима, въ чемъ и состоялъ его первоначальный планъ, то Константину никогда бы не удалось овладѣть столицей. Но и

¹⁾ Euseb., V. C. 1, 36.

²⁾ Lact., De mort. parsec. c. XLIV.

здѣсь опять выступили на сцену суевѣрія; во снѣ Максенцій получилъ откровеніе, что онъ долженъ покинуть долготнѣе мѣсто своего жительства, и когда затѣмъ спросили Сивиллины книги, они двусмысленно отвѣчали, что въ престолящій черезъ два дня праздникъ вступленія его на престоль врага Рима постигнетъ гибель ¹⁾. Такъ какъ при продолжительной осадѣ ждать такого быстрого успѣха было невозможно, то Максенцій, комбиниравъ оба эти пророчества вмѣстѣ, рѣшилъ отворить ворота и начать бой. Этого только и надо было Константину... Ловкимъ маневромъ обойдя войска Максенція, онъ разбилъ ихъ на голову, и самъ Максенцій, спасаясь отъ преслѣдованія, потонулъ въ Тибрѣ. *Въ какіе-нибудь два часа совершилось событіе, которое на цѣлыя столѣтія впередъ измѣнило ходъ всемірной исторіи, потому что конечнымъ результатомъ битвы подъ Римомъ было не господство только Константина надъ Италіей, но торжество христіанства въ римской имперіи. 28 Окт. 312 г. ¹⁾. христіанскій Богъ побѣдилъ языческихъ боговъ ²⁾.*

Такъ произошло обращеніе Константина въ христіанство! Оно не было результатомъ развитія его собственнаго религіознаго духа и состоялось вдругъ, разомъ, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, на почвѣ суевѣрій, господствовавшихъ въ его время ³⁾. Не постепенно закрадывавшее въ

¹⁾ Дата точно указана Lactant., *ibid.*

²⁾ Это языкъ Евсевія. По его изображенію, самый выходъ Максенція изъ Рима объясняется тѣмъ, что христіанскій Богъ, „какъ бы какими-то цѣпями увлекаетъ его весьма далеко отъ городскихъ воротъ (V. С. I, 38)“

³⁾ Суевѣрный элементъ навсегда остался въ душѣ Константина въ его отношеніи къ лабаруму. Онъ преклонялся предъ лабарумомъ, какъ какимъ то фетишемъ, который самъ въ себѣ заключаетъ чудодѣйственную силу для побѣды надъ врагами его („*οἶον τι ἀλεξίφαρμάκον*“,—V. С. II, 7—какое то побѣдительное волшебное средство; *ὡς λέοντι πρόβητρον*—V. С. II, 16—какое то пугалище“—называетъ его самъ Евсевій; онъ же говоритъ о „божественной и неизреченной силѣ спасительной хоругви“—(тамже). Онъ окружилъ его особымъ почетомъ: избравъ 50 мужей, отличавшихся крѣпостію тѣла и силою души, онъ повелѣлъ имъ состоять единственно при служеніи этому знамени (V. С. II, 8). Въ лагеря, въ весьма далекомъ разстояніи отъ него, онъ обыкновенно ставилъ палатку „кресту (выраженіе Евсевія—читай: лабаруму)“, куда и удалялся предъ сраженіемъ на нѣсколько дней, и затѣмъ выбѣгалъ оттуда „какъ бы вдохновенный и вдругъ приказывалъ тотчасъ же двинуться войскамъ и немедленно обнажить мечи: устремившись массами войска его рубились.

его сердце сомнѣніе въ дѣйствительности языческихъ боговъ, не убѣжденіе въ нравственномъ превосходствѣ и величіи ученія христіанскаго побудило его встать подъ знамя Христа, а внѣшняя опасность, безвыходное положеніе, въ какое онъ попалъ предъ стѣнами Рима, страхъ и отчаяніе въ виду неизбѣжнаго пораженія. Это—мотивы невысокаго качества. Христіанскій Богъ былъ нуженъ ему не для идеальныхъ потребностей собственнаго существа; а какъ грозная сила, какъ мощное орудіе для побѣды надъ своимъ врагомъ, для осуществленія своихъ политическихъ цѣлей. Взывая о помощи къ христіанскому Богу, Константинъ оставался въ душѣ язычникомъ — суевѣромъ, для котораго Божество являлось лишь удобнымъ средствомъ, чтобы достичь своей личной выгоды и обезпечить собственную безопасность. Обращеніе Константина въ христіанство слѣдуетъ понимать, поэтому, въ болѣе неопредѣленномъ и широкомъ смыслѣ: то, что совершилось предъ битвой съ Максенціемъ, было лишь первымъ толчкомъ, исходнымъ моментомъ въ дѣлѣ его религіозно-нравственнаго развитія. Оно не произвело какого-либо радикальнаго переворота въ его душѣ, не освободило его отъ всѣхъ прижитыхъ въ язычествѣ навыковъ и убѣжденій, но сдѣлавъ его служителемъ Христа оно поставило его въ близкую, хотя на первыхъ порахъ и внѣшнюю связь съ христіанствомъ и этимъ открыло ему путь къ постепенному и болѣе глубокому усвоенію его.

Первоначальное отношеніе Константина къ христіанству,

отважно и, мгновеннымъ натискомъ одержавъ побѣду, воздвигали побѣдные трофеи надъ врагами (Euseb., Vit. Const. II, 12)⁴. Когда онъ отстроилъ себѣ новую столицу, то надъ входомъ во дворецъ онъ „изобразилъ на показъ всѣмъ, надъ главой своего собственнаго лица спасительное знаменіе (чит.: лабарумъ), а подъ ногами стремящагося въ бездну дракона, подъ видомъ котораго разумѣлъ язычество (V. С. III, 3). До нашего времени сохранились монеты съ аналогичными изображеніями (быть можетъ, есть и прямо тожественные, такъ какъ лучшіе сборники оттисковъ съ монетъ Константина, какъ Cohen'a и Eckel'я остались намъ недоступными), на лицевой сторонѣ которыхъ отпечатанъ бюстъ Константина, а на оборотной находится изображеніе лабарума, поширающаго двѣ согнувшіяся у подножія его фигуры побѣжденных варваровъ. Это еще разъ, можно сказать, монументально доказываетъ правильность нашего наблюденія, что Евсевій вездѣ подъ именемъ „спасительнаго знамени (креста)“ разумѣлъ лабарумъ.

продолжавшееся до 323 года, не выходить за предѣлы утилитарно - практическихъ интересовъ. Помощь, неожиданно оказанная христіанскимъ Богомъ въ столь важномъ дѣлѣ, какъ пораженіе Максенція, требовала соотвѣтственнаго воздаянія. Въ 313 году, въ извѣстномъ Миланскомъ эдиктѣ, изданномъ вмѣстѣ съ Лициніемъ, восточнымъ соправителемъ, онъ провозглашаетъ полную свободу христіанской религіи и приказываетъ возратить имъ отнятыя имущества или вознаградить за нихъ, „согласно съ собственнымъ убѣжденіемъ (привожу буквальныйя слова эдикта), чтобы Божество при всякомъ случаѣ ниспосылало намъ скорую помощь и всякое благо“ ¹⁾. Онъ приближаетъ къ себѣ епископовъ, бесѣдуетъ съ ними, беретъ ихъ съ собой въ походы, но въ мысли, что „Богъ, которому они служатъ, по крайней мѣрѣ будетъ милостивъ къ нему“ ²⁾. Онъ вмѣшивается въ дона-тистскіе споры, возникшіе въ Африкѣ, созываетъ соборы, предсѣдательствуетъ на нихъ и спѣшитъ скорѣе уладить дѣло, и это ему нужно для того, чтобы „неразвлекаемыя распрями, епископы со всею ревностью служили Богу, такъ какъ для общественныхъ дѣлъ отъ этого произойдетъ много пользы“ ³⁾. Если бы среди языческихъ жрецовъ возникли подобныя ссоры,—чего, впрочемъ, кажется никогда не бывало,—то онъ, какъ pontifex maximus—титულъ, дарованный ему сенатомъ послѣ освобожденія Рима отъ узурпаціи Максенція,—съ такой же энергіей и потому же самому мотиву принялся бы за примиреніе ихъ и, вѣроятно, высказалъ бы аргументъ, подобныйъ сейчасъ приведенному.

Безъ сомнѣнія, на христіанъ, современниковъ Константина, всѣ эти мѣры дѣйствовали поразительнымъ образомъ: только что пережившіе самое тяжкое и кровавое гоненіе, длившееся около 8-ми годовъ, христіане съ изумленіемъ и горячей благодарностью принимали тѣ милости, которыя столь обильно посыпались на нихъ съ высоты того трона, откуда они привыкли ожидать себѣ бѣдствій и казней. Все, происходившее теперь у нихъ на глазахъ, превосходило всякое вѣроятіе! Церкви отворились и богослуженіе совершалось открыто, преж-

¹⁾ Euseb., Hist. eccl. X, 5.

²⁾ Eus., V. C. I. 42 ep. II. 4.

³⁾ Eus., Hist. eccl. X, 7.

ня несчастія, ссылки, конфискація имущества, тюрьмы, истязанія и казни прошли, какъ страшный, но не возвратный сонъ; епископы окружаютъ престоль, и самъ царь бесѣдуетъ съ ними, раздѣляетъ трапезу и заботится о нуждахъ церкви. Уже съ 313 года,—года изданія Миланскаго эдикта,—ни малѣйшаго сомнѣнія не могло возникнуть въ христіанскомъ обществѣ, что царь стоитъ рѣшительно на сторонѣ христіанъ, что времена мрака и заблужденія языческаго окончились и царствіе Божіе настало! Онъ—„Ангель Божій“, „другъ Царя небеснаго“ — не разъ восклицаетъ Евсевій ¹⁾. Но пока все это было лишь пріятнымъ заблужденіемъ...

Всматриваясь ближе въ права и привилегіи, предоставленныя Константиномъ христіанству за этотъ періодъ его дѣятельности, легко можно убѣдиться, что они являются ни чѣмъ инымъ, какъ только послѣдовательнымъ примѣненіемъ принципа равноправности, провозглашеннаго въ Миланскомъ эдиктѣ. Національная религія ими ни-чуть не затрогивалась: эти права и привилегіи принадлежали ей искони и оставались въ полной силѣ и теперь во всѣхъ своихъ пунктахъ. Константинъ поддерживаеъ и покровительствуетъ христіанству, какъ законной отрасли оффиціально признанной формы богослуженія, и совершенно далекъ отъ всякихъ попытокъ предоставить ему какое-либо исключительное положеніе въ государствѣ и чѣмъ-нибудь обидѣть язычество. Напротивъ, онъ самъ видимо склоняется къ мысли создать такое міровоззрѣніе, которое, возвышаясь надъ язычествомъ и христіанствомъ, примиряло бы ихъ въ себѣ и на всегда удерживало бы ихъ въ законно-установленномъ паритетѣ, и такая мысль въ ту эпоху религіознаго синкретизма ни мало не могла казаться странной. Константинъ самъ въ послѣдствіи заявлялъ, что онъ сильно желалъ ученіе всѣхъ народовъ о Божествѣ, по существу дѣла, привести въ одинъ составъ и что эта мысль была однимъ изъ самыхъ живыхъ мотивовъ всего совершеннаго имъ ²⁾. Внѣшнее обращеніе его ко Христу не на столько глубоко подѣйствовало на него, чтобы ему ясно представлялась несовмѣстимость христіанства хотя бы то съ лучшими формами язычества, и его религіозныя возрѣнія за разсма-

¹⁾ Eus., V. С. II, 10; I, 3; IV, 46 ср. I, 9; IV, 73.

²⁾ ibid. II, 64.

триваемый періодъ носятъ на себѣ ясный отпечатокъ такого синкретизма. Въ своихъ узаконеніяхъ и письмахъ онъ намѣренно избираетъ самыя общія и неопредѣленныя выраженія о высочайшемъ Существовѣ, въ которыхъ христіане легко усматривали своего Бога Отца, а язычники могли понимать какъ имъ угодно. Онъ именуетъ его „великимъ Богомъ“ „святою и небесной силой“ „бытіемъ единымъ, истинно сущимъ, могущественнымъ во всякое время“ и даже „какой-то высочайшей силой“ ¹⁾. На монетахъ этого времени фигуры языческихъ боговъ Солнца и Меркурія, окруженныя надписью: *Soli iuvicto comiti* или *Marci conservatori* (Марсу охранителю), соединяются съ христіанскими эмблемами, при чемъ послѣднія также носятъ нейтральный характеръ ²⁾. Они имѣютъ самый разнообразный видъ и допускаютъ столь же разнообразное толкованіе: христіане были правы, когда усматривали въ нихъ скрытое изображеніе имени Христа и этого желалъ самъ Константинъ ³⁾, но и язычники не соблазнялись ими; они понимали ихъ или какъ

¹⁾ Eus. Н. Е. X, 5; V. С. II, 8, 24, 28.

²⁾ См. изслѣдованіе Madden'a, *Christian emblems on the coins of Constantin etc.*

³⁾ На лабарумѣ, знакомомъ Евсевію, монограмма имѣла видъ , но эта монограмма, какъ и самый лабарумъ, видѣнный Евсевіемъ, принадлежатъ позднѣйшему времени. Объ этомъ свидѣлствуетъ уже одно роскошное устройство его, которое не могло быть сдѣлано въ короткій срокъ предъ битвой съ Максенціемъ, и упоминаніе о сыновьяхъ Константина, тогда какъ Константинъ во время похода на Римъ имѣлъ только одного сына Криспа, и то малолѣтняго, помѣщать особое изображеніе котораго на лабарумѣ не было смысла. Да и Кесарійскій епископъ могъ видѣть его не ранѣе, какъ послѣ побѣды Константина надъ Лициніемъ въ 323 году, когда всѣ восточныя области подчинились ему и самъ Константинъ, отстроивъ новую столицу на Босфорѣ, окончательно переселился на Востокъ, окруживъ себя восточными епископами. Съ другой стороны новѣйшія изслѣдованія монетъ, въ значительномъ количествѣ сохранившихся отъ Константина, прочно установило тотъ фактъ, что до 323 года, — года рѣшительной борьбы съ Лициніемъ, — эмблемы съ ясно выраженнымъ христіанскимъ значеніемъ, въ родѣ той, какую видѣлъ Евсевій, на нихъ не встрѣчаются. За все время, пока Константинъ управлялъ западными областями имперіи, эмблемы на монетахъ и, безъ сомнѣнія, на знаменахъ носили нейтральный характеръ. Главнымъ образомъ они имѣли видъ трехъ пересѣкающихся между собой въ одной точкѣ линій — , причемъ иногда прямая средняя линія въ своей вершинѣ оканчивалась небольшимъ закругленіемъ или утолщеніемъ (см. Madden, *ibid.*). Запутанность

обычное украшеніе монетъ, или какъ знакъ звѣзды, часто встрѣчавшейся на монетахъ и военныхъ доспѣхахъ или, наконецъ, какъ обозначеніе качества металла ($\chi + \chi\rho\upsilon\sigma\acute{o}\varsigma$), изъ котораго сдѣлана монета. Особымъ распоряженіемъ въ 321 г. Константинъ узаконяетъ празднованіе *dies solis*—дня солнца ¹⁾, и христіане восхваляютъ его за благочестіе, выраженное въ такомъ торжественномъ почитаніи дня „истинно Господняго и спасительнаго“ ²⁾, хотя онъ только утверждалъ обычай, давно принятый въ язычествѣ. Для войска онъ изобрѣтаетъ специальную молитву, своего рода символъ вѣры, все содержаніе котораго сводится къ тремъ словамъ: Богъ, царь, побѣда, и приказываетъ произносить въ день солнца на открытыхъ площадяхъ ³⁾. Короче говоря, онъ — мыслить и дѣйствовать какъ человѣкъ, еще не порвавшій всѣхъ связей съ язычествомъ.

Но эти мечты о вѣчномъ паритетѣ христіанства и язычества рассыпались въ прахъ, когда въ 323 году возгорѣлась война съ Лициніемъ, правителемъ восточныхъ областей имперіи. Лициній, какъ и большая часть язычниковъ того времени, ничего не имѣлъ противъ внесенія христіанскаго Бога въ число своихъ боговъ; сила, обнаруженная христіанскимъ Богомъ въ походѣ Константина на Римъ, были достаточнымъ ручательствомъ за то, что воздавать Ему почитаніе во многихъ отношеніяхъ было не бесполезно. Онъ охотно подписалъ Миланскій эдиктъ, объявилъ его въ своихъ провин-

разказа Евсевія и это документальное свидѣтельство монетъ—не даютъ они достаточную точку опоры для того предположенія, что и самое знаменіе, явленное Константину на солицѣ, имѣло эту форму трехъ пересѣкающихся между собой, составленныхъ изъ свѣта, лучей, лежащихъ на солицѣ? Такое предположеніе вполне бы освобождало разсказъ Евсевія отъ всѣхъ недоумѣній, какія онъ вызываетъ въ современной наукѣ. Константинъ и все войско созерцаютъ дивное видѣніе: для нихъ ясно, что оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ ихъ предпріятію и выражаетъ Божественную волю, но въ чемъ его смыслъ? Теперь намъ становится понятнымъ тѣ недоумѣнные вопросы, какіе влагаетъ Евсевій въ уста Константина послѣ перваго видѣнія, а также и вторичное откровеніе во снѣ, въ которомъ Христосъ повелѣваетъ ему то, что онъ долженъ были по Евсевію, прочитать уже на солицѣ.

1) Codex Theodosianus, I, S. 2.

2) Eus., V. C. IV, 13.

3) Eus., V. C. IV, 18.

ціяхъ и приблизилъ къ себѣ христіанскихъ епископовъ для служенія новому Богу. Мало того, подобно Константину и онъ имѣлъ случай испытать эту силу христіанскаго Бога на самомъ себѣ. Въ войнѣ съ Максиміномъ Даіа, своимъ восточнымъ соправителемъ, вторгшимся съ многочисленными легіонами въ предѣлы его въ то время, какъ онъ находился въ Медиоланѣ, онъ получилъ во снѣ отъ Ангела молитву къ христіанскому Богу, приказалъ прочесть ее предъ началомъ сраженія въ слухъ своего войска и, не смотря на недостаточность своихъ военныхъ силъ, поразилъ Максимина ¹⁾. Точка отправленія у Лицинія, можно сказать, была таже, что и у Константина, но путь, по которому оба они пошли дальше, былъ различенъ. Всю жизнь свою прожившій грубымъ язычникомъ и уже въ престарѣломъ возрастѣ ставшій между прочимъ и поклонникомъ христіанскаго Бога, Лициній могъ усвоить лишь внѣшнюю сторону новой религіи, форму ея, а не содержаніе, которое совсѣмъ не коснулось его. Миланскій эдиктъ остался для него мертвой буквой. Между тѣмъ Константинъ хотя и не порывалъ всѣхъ связей съ язычествомъ, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе сближался съ христіанствомъ. Своими бесѣдами съ епископами, своимъ участіемъ во внутреннихъ дѣлахъ цер-

¹⁾ Лактанцій такъ описываетъ это событіе: „войска стояли другъ противъ друга... Максиминъ далъ обѣтъ Юпитеру и обѣщався, если одержитъ побѣду, истребить навсегда христіанское имя. Но Лициній видѣлъ во снѣ ангела, который повелѣлъ именемъ Божіимъ встать и принести молитву, обѣщавши ему побѣду, если послушается. Ему показалось, что онъ встаетъ и что ангелъ самъ внушаетъ ему слова молитвы. Проснувшись, онъ призываетъ къ себѣ одного изъ секретарей и диктуетъ ему тѣ самыя слова молитвы, которыя онъ только слышалъ... Снято было нѣсколько копій съ этой молитвы и разослано къ трибунамъ и начальникамъ, чтобы они научили своихъ воиновъ... Когда войска сошлись, то воины Лицинія снимаютъ съ себя каски, кладутъ щиты на землю и протираютъ руки къверху. Императоръ читаетъ молитву, воины громко повторяютъ"... Это удивительное зрѣлище произвело такое ужасающее впечатлѣніе на войска Максимина, въ которыя уже проникъ слухъ о божественной помощи, дарованной Лицинію, что они пришли какъ бы въ оцѣпленіе и не могли ни мечей извлечь, ни копій бросать (De mort. persec. XLVI. XLVII).. Аналогія между битвой Константина подъ Римомъ и побѣдой Лицинія надъ Максиміномъ близкая: не хватаетъ только лабарума, но и это потому вѣроятно, что Лицинію, неожиданно захваченному вторженіемъ Максимина, некогда было приготовить его.

кви и распоряженіями, упрочивавшими равноправность церкви съ національнымъ культомъ онъ привлекъ къ себѣ искреннюю преданность всѣхъ христіанъ и для Лицинія не было тайной, что въ христіанскихъ храмахъ, особенно многочисленныхъ въ его провинціяхъ, рѣдкій день не возносились горячія молитвы за благосостояніе его соперника 1). На престарѣлаго суевѣра эти молитвы производили ужасающее впечатлѣніе; чудодѣйственное значеніе ихъ онъ самъ испыталъ, онъ зналъ также и могущество христіанскаго Бога, и теперь во-очію убѣдился, что онъ лишенъ всего этого, что всѣ эти таинственныя силы, наполнявшія его душу мистическимъ трепетомъ, находятся въ распоряженіи Константина... Старые боги воскресли въ сознаніи Лицинія: вѣдь не имѣли обязанъ онъ всѣмъ успѣхомъ своей жизни? не они-ли руководили имъ съ малаго возраста и не подъ ихъ-ли покровительствомъ онъ достигъ исключительно высокаго, возможнаго для человѣка, положенія въ государствѣ? да развѣ и сами христіане не признаютъ за ними сверхъестественной мощи, побѣда надъ которой была нелегка? Лициній прогналъ христіанскихъ епископовъ и окружилъ себя прорицателями, египетскими гадателями, жрецами и пророками. Опять началось выпрашиваніе оракуловъ, гаданіе по полету птицъ, разрѣзываніе людей и животныхъ и т. п.;—все предсказывало успѣхъ, все говорило о побѣдѣ 2). Воспользовавшись ничтожнымъ поводомъ, Лициній объявилъ войну Константину и весной 323 года съ войскомъ, превосходящимъ силѣ Константина, стоялъ въ Фессалоникахъ.

Предъ началомъ сраженія, въ тѣнистой рощѣ, священной и заповѣдной, скрывавшей въ себѣ статуи наиболѣе чтимыхъ боговъ, Лициній созвалъ избранныхъ своихъ щитоносцевъ и сановныхъ друзей и, послѣ того, какъ зажжены были предъ статуями свѣчи и принесены жертвы, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: „вотъ отечественные боги, которыхъ мы чтимъ, принявъ издавна отъ предковъ наставленіе благоговѣть предъ ними. Напротивъ начальникъ враждебнаго намъ войска, отвергнувъ отеческіе обычаи, принявъ безбожное мнѣніе, прославляетъ какого-то

1) Eus., V. C. II. 2.

2) Eus., V. C. II. 4.

иностранныго Бога и постыднымъ его знаменіемъ срамить свое войско. Настоящее дѣло откроетъ намъ, кто заблуждается въ своемъ мнѣніи: если сильнѣйшимъ окажется этотъ, нами осмѣиваемый теперь, Богъ чужестранный, то и намъ нужно будетъ признать его, и чтить и надолго распрощаться съ тѣми, которымъ попусту возжигаемъ свѣчи: когда побѣдятъ—что несомнѣнно—наши боги, то мы послѣ теперешней побѣды устремимся на безбожныхъ“¹⁾.

Такъ языческіе боги и христіанскій снова встрѣтились между собой, чтобы помѣряться своими силами, помѣряться въ послѣдній разъ. Вопросъ поставленъ былъ радикально, и потому побѣда, какую наслѣдуютъ тѣ или другой, будетъ окончательной и безповоротной. Теперь уже недостаточно было однихъ чародѣйствъ и волхованій; они не спасли Максенція. На эту рѣшительную борьбу пусть пойдутъ сами боги, а тогда видно будетъ, устоитъ ли еще противъ нихъ знамя христіанскаго Бога? Приказаль впереди своего войска нести статуи боговъ, Лициній ринулся въ бой... Но все было тщетно. Въ трехъ, быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ сраженіяхъ, Константинъ, сопутствуемый лаборумомъ, разбилъ все войско Лицинія, и самъ защитникъ языческихъ боговъ долженъ былъ съ униженіемъ просить его о пощадѣ²⁾.

1) *ibid.* II, 5.

2) Это былъ моментъ необычайнаго религіознаго напряженія, когда всѣ жители Востока тревожно слѣдили за исходомъ битвы. Легенды создавались на глазахъ у всѣхъ и воспринимались съ полною вѣрою. На Востокъ еще ранѣе сраженія, во многихъ городахъ видѣли, какъ среди *самаго полудня* черезъ нихъ проходили различные полки Константиновскихъ латниковъ, какъ бы уже одержавшихъ побѣду (Евс. V. С. II, 9). О лаборумѣ рассказывали чудеса: утверждали, что кто взялъ „спасительную хоругвь“, она дѣлалась для него охраненіемъ жизни, такъ что сколько не пускали въ него стрѣлы, онъ оставался невредимъ; всѣ удары ихъ принимало на себя копье. „Тутъ было что-то выше всякаго чуда“,—замѣчаетъ по этому поводу Евсевій (II, 9). Самый исходъ битвы сопровождался исключительными обстоятельствами. Послѣ пораженія при Адрианополѣ Лициній заперся въ Византію настолько хорошо укрѣпленной, что взять ее приступомъ было нельзя, и борьба противниковъ должна была рѣшиться морскимъ сраженіемъ. Криспъ, старшій сынъ Константина, управлявшій флотомъ, сначала занявъ Босфорскій проливъ, но скоро замѣтивъ, что большіе корабли съ трудомъ двигаются въ небольшомъ проливѣ, помѣстивъ свой флотъ въ ближайшія гавани и здѣсь ждалъ

Глубокое впечатлѣніе произвело на душу Константина это поражение Лицинія! Сами языческіе боги выходили на борьбу и оказались безсильными! Величіе христіанства и ничтожество язычества открылось предъ нимъ со всею очевидностью; послѣднія связи съ язычествомъ рушились и боги, павшіе въ сраженіи съ Лициніемъ, окончательно умерли въ его сердцахъ. Рядъ новыхъ мыслей, чувствованій и намѣреній наполнилъ его сознаніе. Оглядываясь на свое прошлое, вдумываясь въ малѣйшія событія своей жизни, вновь переживая уже испытанныя колебанія и сомнѣнія, онъ теперь только понималъ, какъ христіанскій Богъ неизмѣнно помогалъ ему во всѣхъ, встрѣчавшихся ему затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ пуста была надежда на языческихъ боговъ и какъ мало значили его собственныя человѣческія силы! Во всемъ своемъ прошломъ онъ увидѣлъ дѣйствіе высшей Воли, Божественнаго Провидѣнія, неуклонно руководившаго имъ во всѣхъ невзгодахъ и несчастіяхъ жизни, поставившаго его властелиномъ всей вселенной и избравшаго орудіемъ своихъ высочайшихъ цѣлей. Ясно и полно созналъ теперь Константинъ свое назначеніе—всѣми силами служить христіанскому Богу, распространять Его царство и утверждать Его господство въ обществѣ и государствѣ. „Начавъ отъ того Британскаго моря,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій,—и отъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ, по нѣкоторой необходимости, опредѣлено заходить солнцу, я при помощи какой-то высочайшей силы гналъ предъ собою и разсѣвалъ всѣ встрѣчавшіеся ужасы, чтобы воспитываемый подъ моимъ влия-

---

нападенія. Въ день рѣшительной битвы вѣтеръ, дувшій съ сѣвера, сначала благоприятствовалъ Лицинію, но около полудня неожиданно измѣнился въ юго-восточный; началась буря и штормъ. Весь флотъ Лицинія моментально былъ брошенъ на утесы азіатскаго берега, 130 судовъ было разбито, 5000 матросовъ пошло ко дну: дѣло Лицинія окончательно было проиграно (Seeck, Gesch. d. Unt., I, 179). Легко понять, какое огромное впечатлѣніе должно было произвести это событіе на весь Востокъ, съ затаенной тревогою ожидавшій исхода борьбы. Христіанскій Богъ на глазахъ всего міра вступилъ за своего избранника и въ бурь и штормъ далъ ему очевидную помощь! Не для Константина только, но для многихъ людей того времени, стоявшихъ на перепутьи между язычествомъ и христіанствомъ, это несомнѣнное проявленіе заступничества христіанскаго Бога за своего служителя явилось послѣднимъ толчкомъ, послѣ котораго они стали искренними христіанами.

ніемъ родъ человѣческій призвать на служеніе священнѣйшему закону и подѣ руководствомъ Высочайшаго Существа возрастить блаженнѣйшую вѣру“¹⁾).

Вся дальнѣйшая жизнь Константина была лишь осуществленіемъ этой начертанной имъ себѣ программы. Онъ открыто признаетъ себя христіаниномъ и гордится этимъ²⁾, онъ не находитъ словъ, что бы восхвалить христіанское богослуженіе и осыпаетъ милостями церковь. Всегда присущая душѣ его религіозность въ христіанствѣ получаетъ для себя новую пищу: онъ всѣмъ существомъ своимъ отдается христіанскому Богу, и даже въ официальныхъ документахъ не обходится безъ того, чтобы въ лирическомъ восторгѣ не излить свое исповѣданіе. „Теперь молю Тебя, всеблагій Боже,—пишетъ онъ напр. въ одномъ изъ посланій къ областнымъ правителямъ имперіи, — подѣ Твоимъ руководствомъ и началъ я, и окончилъ дѣло; преднося вездѣ Твое знамя, я велъ побѣдоносное войско и, куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, слѣдовалъ за тѣмъ же знаменіемъ Твоей силы и шелъ на враговъ. Потому-то и предалъ я Тебѣ хорошо испытанную въ любви и страхѣ душу, ибо искренно люблю Твое имя и благоговѣю предѣ силой, которую явилъ Ты многими опытами и укрѣпилъ мою вѣру“³⁾.—Столь же ясно обрисовывается и его отношеніе къ язычеству: язычество—это „гибельное заблужденіе“, „владычество мрака“⁴⁾. Въ письмахъ, посланіяхъ, указахъ и бесѣдахъ онъ полемизируетъ съ язычествомъ научными приемами, логически доказываетъ несостоятельность политеизма и преимущества единобожія: онъ хочетъ пропагандировать вѣру мѣрами убѣжденія, а не насилія⁵⁾. Онъ изучаетъ св. писаніе⁶⁾, обсуждаетъ съ епископами догматическіе вопросы⁷⁾, пишетъ цѣлые трактаты на богословскія темы⁸⁾.

1) Euseb., V. C., II, 28.

2) „Онъ чествовалъ Христа со всею рѣшимостью и предѣ всеми“,—говоритъ Евсевій (V. C. III, 2).

3) Eus., V. C. II, 55.

4) Ibid., II, 56—60.

5) Ibid., II, 24—28; 42; 47—60; IV, 9—13.

6) Ibid., IV, 17.

7) Ibid., II, 63—75; III, 4—9 и др.

8) Ibid., IV, 28.

Въ отношеніи къ христіанству онъ дѣлаетъ все, чтобы упрочить его положеніе въ обществѣ и государствѣ и обезпечить его окончательное торжество, насколько это было возможно при преобладающей многочисленности язычниковъ въ то время. Онъ самъ строитъ храмы христіанскому Богу и Его святымъ ¹⁾, особыми указами предписываетъ правителямъ областей ²⁾ и убѣждаетъ епископовъ умножать церкви и украшать ихъ должнымъ благолѣпіемъ ³⁾. На высшія гражданскія и военныя должности имперіи онъ ставитъ по преимуществу христіанъ и, чтобы не соблазнять ихъ совѣсть, отмѣняетъ языческіе обряды, соединенные съ прохожденіемъ ихъ ⁴⁾. Въ своей домашней и личной жизни онъ стремится осуществить христіанскія начала и своимъ сыновьямъ—наслѣдникамъ имперіи—даетъ христіанское воспитаніе, правильно усматривая въ этомъ самое вѣрное ручательство за дальнѣйшее продолженіе его политики ⁵⁾. Всѣ эти новыя идеи и стремленія, охватившія Константина, свое документальное подтвержденіе получаютъ въ монетахъ этого времени. Языческіе символы на нихъ совсѣмъ исчезаютъ, монограмма получаетъ ясно выраженный христіанскій характеръ и самыя надписи становятся исповѣданіемъ новыхъ надеждъ императора. „Слава войска“, „благополучіе и надежда республики“, „побѣда и миръ августовъ“, „радость римлянъ“—вотъ знаменательныя слова, сопровождающія монограмму на лабарумѣ или на монетахъ взамѣнъ прежнихъ: солнцу непобѣдимому спутнику или Марсу охранителю. Самъ Константинъ изображаетъ себя на монетахъ, уже не съ лучами, окружающими голову на подобіе солнца, а въ видѣ молящагося, съ руками, распростертыми вверхъ, и взоромъ, устремленнымъ на небо ⁶⁾. Но какъ ни страстно онъ желалъ теперь окончательнаго торжества христіанства, какъ ни глубоко было его презрѣніе къ язычеству, онъ ни одну минуту своей жизни не думалъ о какихъ-либо насильственныхъ мѣрахъ противъ него. Сцены гоненія на христіанъ, запеча-

1) *ibid.* III, 29—48. 50. 51.

2) *ibid.* II, 45. 48.

3) *ibid.* II, 46; III, 25 и др.

4) *ibid.* II, 44.

5) *ibid.* IV, 51. 52.

6) Madden. *Christian emblems etc.* —*cp.* Eus., V. C. IV, 15.

тлѣвшіяся кровавыми пятнами въ его памяти, когда онъ въ въ своей юности находился еще при дворѣ Діоклитіана, поселили въ немъ отвращеніе ко всякимъ принужденіямъ въ дѣлахъ вѣры. „Хочу,—говоритъ онъ въ одной граматѣ, разосланной всѣмъ правителямъ областей,—хочу для общей пользы міра и всѣхъ людей, чтобы подобно вѣрующимъ пріятности мира и тишины вкушали и заблуждающіеся..., пусть никто не беспокоитъ другаго, пусть каждый дѣлаетъ то, что хочетъ душа“ 1). Еще въ 337 г., наканунѣ своей смерти, онъ особымъ указомъ подтвердилъ привилегіи языческихъ жрецовъ Африки, гдѣ многочисленное христіанское населеніе, повидимому, сдѣлало попытку лишить ихъ обычныхъ привилегіи 2). Желая принять крещеніе въ во-

1) Eus., V. C. II, 56; ср. 60.

2) Вопросъ объ отношеніи Константина къ язычеству въ послѣдніе годы его жизни принадлежитъ къ числу очень спорныхъ. Многіе историки утверждаютъ, что Константину не удалось до конца своихъ дней провести въ области религіозной ту политику паритета, къ которой онъ самъ лично стремился, и что, подчиняясь силѣ обстоятельствъ, онъ измѣнилъ своимъ собственнымъ планамъ и сталъ преслѣдовать язычество. Три факта приводятъ обыкновенно въ доказательство этого тезиса.

1) Константинъ издалъ законъ, которымъ возбранялись „отвратительные (*τὰ μισαρά*) обряды идольскаго служенія (Euseb. V. C., II, 45)“. Но уже самая формулировка этого закона показываетъ, что его примѣненіе ограничивалось очень узкой сферой. Евсевій точно перечисляетъ тѣ мѣста и формы языческаго богослуженія, какія были уничтожены на основаніи этого распоряженія Константина; это—храмъ Венеры въ Ливанѣ, въ Афакѣ (V. C. III, 55), гдѣ практиковалась священная проституція и гдѣ развратъ, возведенный въ священно-служеніе, производился въ такихъ открытыхъ и грубыхъ формахъ, что вызывалъ протестъ у самихъ язычниковъ; храмъ Эскулапа въ Егинѣ въ Сициліи (V. C. III, 51), наполненный всевозможными шарлатанами, обогащавшимся на счетъ суевѣрій простого народа; капище Венеры въ Иліополисѣ, отличавшееся тѣмъ же характеромъ, что и храмъ Венеры на Ливанѣ (V. C. III, 58); особый культъ служенія рѣкѣ Нилу въ Египтѣ (V. C. IV, 25), жрецы котораго состояли изъ мужеложцевъ. Отмѣнить эти культы, позорящіе самое язычество, Константинъ имѣлъ право, какъ pontifex maximus, обязанный божьими правами подчиненныхъ ему религіямъ,—и тѣмъ болѣе, что, запрещая ихъ, онъ шелъ на встрѣчу желаніямъ всѣхъ просвѣщенныхъ язычниковъ его времени. Коснувшійся только четырехъ мѣстностей имперіи, этотъ законъ, конечно, ни мало не измѣнялъ общаго положенія національной религіи.

2) Въ 330 году Константинъ отстроилъ свою новую столицу на Босфорѣ и, чтобы придать ей блескъ, превосходящій всѣ другіе города, приказалъ взять изъ языческихъ храмовъ и перенести въ Константинополь

дахъ Іордана, онъ долго откладывалъ его, пока тяжкая болѣзнь не заставила его поспѣшить выполнениемъ этого не-

выдающіяся произведенія древняго искусства. Вслѣдствіе этого распоряженія всѣ наиболѣе лучшія статуи Греціи и Малой Азіи, сдѣланныя иногда изъ золота и серебра и представлявшія собой чудо классической пластики, а также мраморныя и мѣдныя изваянія, отличившіяся красотой формъ, были увезены въ новую столицу и здѣсь поставлены на площадяхъ и форамахъ въ качествѣ простаго украшенія (Eus., V. С. III, 54). Безъ сомнѣнія, Константинъ, издавая это распоряженіе, дѣйствовалъ, какъ христіанинъ, у котораго съ изображеніемъ языческаго бога не связывалось никакого религіознаго чувства, и наносилъ горькую обиду почитателямъ отечественныхъ боговъ и въ особенности тѣмъ городамъ, для которыхъ эти художественныя и драгоценныя произведенія составляли ихъ единственную славу. Но, разсматриваемое само по себѣ, похищеніе художественныхъ сокровищъ изъ языческихъ храмовъ въ дѣляхъ украшенія новой столицы, не было какимъ-либо новымъ, необычнымъ явленіемъ для современнаго Константину язычества. Альяръ въ своемъ сочиненіи: *E' art païen sous les Empereurs chrétiens* (Paris, 1879, 174—177) приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ ограбленія восточныхъ храмовъ, произведеннаго предшественниками Константина, римскими императорами—язычниками, чтобы украсить Римъ или свои виллы около Рима, очевидно, совсѣмъ и не думавшими о томъ, что они сколько-нибудь подрываютъ этимъ законное положеніе официальнаго культа. Опустошеніе языческихъ храмовъ произведено было Константиномъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но какъ вызванное и оправдываемое исключительными обстоятельствами, оно ни чуть не нарушало общихъ правъ и привилегій государственной религіи, которыя продолжали принадлежать ей въ прежнемъ объемѣ.

3) Евсевій въ своей „Жизни Константина“ нѣсколько разъ упоминаетъ о законахъ его запрещавшихъ „приносить жертвы идоламъ, вопрошать гадателей, воздвигать статуи, совершать таинственные жертвоприношенія (V. С., IV, 25 ср. II, 45)“, но по своей неопредѣленности эти извѣстія Кесарійскаго епископа не заслуживало бы никакого вниманія со стороны науки, если бы они не подтверждались официальнымъ документомъ. Въ 341-мъ году императоръ Констанцій издалъ законъ, въ которомъ, ссылаясь на примѣръ своего отца, требуетъ прекращенія суевѣрій (т. е. язычества) и уничтоженія жертвеннаго безумія (*Cod. Theod. XVI, 10, 2: cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania; nam quicumque contra legem divi Principi Parentis nostri—противъ закона божественнаго Государя, родителя нашего,—et hanc nostrae mausetudinis jussionem ausus fuerit sacrificia celebrare, competens in eum vindicta et praesens sententia exeratur*).

Но какъ ни ясно говорится здѣсь о законѣ, будто бы изданномъ Константиномъ противъ язычества, его существованіе остается крайне сомнительнымъ. а) Такой законъ прямо противорѣчилъ бы подлиннымъ заявленіямъ самого государя, приведеннымъ выше. б) Онъ рѣшительно опровергается двумя распоряженіями, изданными имъ въ самомъ концѣ

обходимаго таинства, и онъ скончался въ Еленополисѣ,—городѣ, названномъ такъ въ честь его матери,—337 года въ день пятидесятницы ¹⁾. Припоминая на смертномъ одрѣ всѣ событія своей жизни, онъ съ спокойнымъ сознаниемъ могъ

своей жизни: въ 326-мъ году Константинъ опубликовалъ слѣдующій рескриптъ: *provinciarum iudicibus commoneri precipimus, ut nihil de novi operis ordinari ante deberi cognoscant, quam ea compleverint, quae a decessoribus inchoata sunt, exceptis dumtaxat templorum aedificationibus* (Cod. Theod. XV, 1, 3). Здѣсь Константинъ начальникамъ провинцій запрещаетъ возводить новыя зданія, пока не будутъ закончены начатыя предшественниками, *исключая вообще храмовыя строенія* т. е. языческіе храмы во всякомъ случаѣ должны быть воздвигаемы, каковы бы ни были другія нужды провинцій. Что такое пониманіе приведеннаго закона правильно (онъ не всѣми толкуется одинаково), это доказыается апологичными распоряженіями напр. Валентиніана Старшаго, который изъ общаго правила, запрещающаго новыя постройки, совершенно въ той же формулировкѣ исключаетъ житницы и конюшни (для общественной почты), какъ зданія, необходимыя для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей. въ Сейчасъ отмѣченное узаконеніе Константина о привиллегіяхъ языческихъ жрецовъ, падающее на 337 годъ, годъ его кончины, также исключаетъ всякую мысль объ изданіи имъ какихъ-либо общихъ запретительныхъ законовъ противъ языческаго культа. Оно характерно по своей формѣ: *sacerdotales et flamines perpetuos, atque etiam duumvirales ab annonarum praeposituris inferioribusque muneribus immanes esse praecipimus. Quod ut perpetua observazione firmatur, legem hanc incisamaeneis tabulis iussimus publicare* (Cod. Theod. XII, 1, 2). Константинъ хочетъ чтобы этотъ законъ утвердился навѣчно (*perpetua observazione*) и для этого приказываетъ вырѣзать его на мѣдныхъ доскахъ. Трудно допустить, чтобы человекъ, накануне своей смерти такъ тщательно заботившійся о вѣчномъ паритетѣ языческаго культа, когда-нибудь опубликовалъ законъ, уничтожающій этотъ культъ. Это прямо подтверждается какъ полнымъ молчаніемъ современныхъ ему языческихъ писателей, которые не могли бы не отмѣтить такой крупный фактъ, какъ запрещеніе всего языческаго культа, такъ и яснымъ свидѣтельствомъ извѣстнаго ритора Ливанія, что Константинъ опустошилъ языческіе храмы, но языческое богослуженіе и права официальной религіи оставилъ неприкосновенными (См. примѣч. Gotofred'a къ цитированнымъ выше распоряженіямъ Константина).

Возможно, что подъ влияніемъ убѣжденій со стороны окружавшихъ его христіанъ, Константинъ, къ концу жизни одряхлѣвшій духомъ и тѣломъ, составилъ проектъ такого закона, но не опубликовать его, а Констанцій, нашедшій его потомъ въ государственной скриніи, воспользовался имъ, какъ авторитетнымъ прецедентомъ для предпринятаго имъ уничтоженія языческаго культа, тоже, впрочемъ, не осуществившагося на дѣлѣ.

¹⁾ Euseb., V. C. IV, 61. 64.

сказать, что великое дѣло, порученное ему Провидѣніемъ, онъ совершилъ: распадавшееся римское государство онъ соединилъ подъ одной властью, примиривъ его съ христіанствомъ и упрочилъ торжество Церкви въ будущемъ.

Всею своею дѣятельностью онъ глубоко повліялъ не только на исторію язычества и христіанства, но и на исторію всего человѣчества, и потому послѣ своей смерти онъ наслѣдовалъ почести рѣдкія въ исторіи: римскій сенатъ возвелъ его въ боги ¹⁾, исторія признала его Великимъ, а Церковь Равноапостольнымъ.

А. Спаскій.

¹⁾ Inter divos meruit referri. Eutropius, Breviar. X. 8.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru